

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО В XXI ВЕКЕ

М. В. Шугуров

«ГРУППА ВОСЬМИ» (G8) И ДИЛЕММЫ ГЛОБАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ ИНТЕРНЕТОМ: МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Аннотация: Статья посвящена анализу подхода к регулированию Интернета, представленного на Довильском саммите «Группы восьми» в 2011 году. Основное внимание уделено проблеме баланса прав человека в киберпространстве как составной части управления использованием Интернета. Детальное освещение получила политика «Группы восьми» в сфере защиты прав интеллектуальной собственности. Автор исследует перспективы развития суверенитета государства в цифровую эпоху. Делается вывод о необходимости развития прав интеллектуальной собственности в контексте парадигмы понимания Интернета как пространства свободы и коммуникации.

Ключевые слова: юриспруденция, интернет, информация, управление, глобализация, собственность, пиратство, государство, свобода, киберпространство.

Функционирование, управление и регулирование сети Интернет относится к одной из актуальных тем глобальной повестки дня. Современное мировое сообщество, представленное разными структурными акторами – государствами, международными организациями, интернет-компаниями, правообладателями, общественностью/пользователями – взволновано относится к вопросам развития и управления использованием Интернета, являющегося наиболее значимым сегментом цифровой среды (digital environment) и результатом применения информационно-коммуникационных технологий.

Заметным событием 2011 года стало обращение внимания к проблемам Интернета со стороны «Группы восьми»/G8, являющейся клубом наиболее влиятельных государств. Впервые в истории ежегодных встреч вопросы регулирования и развития Интернета, включая вопросы соблюдения и защиты авторских прав в сети, стали центральным пунктом повестки дня Довильского, 37-го по счету, саммита (26 – 27 мая 2011 г.). Известно, что G8 не принимает юридически обязывающих документов, но это не мешает данному клубу задавать ориентиры мировой политики, влияющих на правовое регулирование тех или иных общественных отношений, имеющих глобальный характер.

В условиях формирования системы международно-правового регулирования Интернета возникает необходимость международно-правового анализа выраженной в данном документе согласованной воли государств,

которая, как известно, имеет исходное значение для выработки международно-правовых норм, принципов, идеалов и целей, в нашем случае относящихся к регулированию и управлению глобальным киберпространством Интернета.

1. Вопросы регулирования и управления Интернетом в повестке дня Довильского саммита Большой восьмерки. Важным результатом согласованного подхода стала Довильская декларация G8 «Неизменная приверженность свободе и демократии», принятая 27 мая 2011 года¹. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в числе одного из первых идет раздел, посвященный вопросам развития Интернета и управления им (Раздел II «Интернет», пп. 4 – 22)².

Прежде чем осуществлять международно-правовой анализ положений Довильской декларации, в самом общем плане предпримем общий обзор проблем, связанных с развитием и функционированием Интернета. Во-первых, Интернет стал основой развития всех сфер общества, что наглядно продемонстрировано в Докладе, приуроченного к Саммиту G8 2011 года³. Во-вторых, в

¹ Довильская декларация «Группы восьми»: неизменная приверженность свободе и демократии, 27 мая 2011 года // http://news.kremlin.ru/ref_notes/946 (дата обращения: 15.03.2012).

² Deuille Declaration: Internet (The Section of Final Declaration of the G8 Leaders at the Deauville Summit 2011) // <http://www.g8.utoronto.ca/summit/2011deuille/2011-internet-en.html> (дата обращения: 14.03.2012).

³ Internet Matters: The Net's Sweeping Impact on Growth, Jobs,

течение последних лет Интернет превратился в самостоятельную сферу, которую называют «параллельной» Вселенной, отличной от материального мира. К настоящему времени выявились основные противоречия «параллельного мира». Первый круг противоречий связан с амбивалентным потенциалом Интернета. Цифровая среда онлайн-коммуникации может выступить и как благо и как зло. Все зависит от способа ее выстраивания и от способа поведения в ней. Примеров положительного и отрицательного воздействия процессов, происходящих в онлайн-пространстве, более чем достаточно.

С этим кругом проблем связан другой круг вопросов. Они касаются способов управления и регулирования Интернета, являющегося по своей архитектуре специфической средой. Эти вопросы входят в глобальную повестку дня. Следует полностью согласиться с авторитетным мнением, которое высказал M.L. Mueller. С его точки зрения, существует четыре сферы конфликта и координации, создающих глобальную политику управления Интернетом – интеллектуальная собственность, кибербезопасность, регулирование контента и регулирование интернет-ресурсами⁴.

С нашей точки зрения, в основе ключевых проблем управления и регулирования Интернета находится базовый конфликт между его свободой и открытостью, с одной стороны, и контролем над ним – с другой. Как считает M. Mackinnon, борьба свободы и контроля означает борьбу демократии и диктатуры и выходит в сферу экономики, идеологии, культуры⁵. Данный конфликт может быть разрешен на уровне институтов коммуникации и информации в системе глобального многостороннего управления глобальной Паутиной.

К основной напряженности, связанной с динамичным превращением Интернета практически в доминантную жизненную среду, относится не менее значимый конфликт между свободой самовыражения и информации, с одной стороны, и правами интеллектуальной собственности – с другой. Реализация свободы выражения и информации, прав интеллектуальной собственности, а также иных прав, которые стали называть цифровыми (digital/online rights), составляют важный аспект правового регулирования Интернета (Internet law)⁶. Данные

аспекты нуждаются не только в регулировании, но и в согласовании. Это связано с тем, что по мере развития цифровой среды мировое сообщество вступило в стадию дисбаланса прав и в стадию дисбаланса системы права интеллектуальной собственности.

С предельной четкостью указанное обстоятельство нашло свое осмысление в рекомендации Парламентской Ассамблеи Совета Европы (ПАСЕ) 1906(2010) «Переосмысление авторских прав в эпоху Интернет». Здесь говорится о том, что динамичное развитие информационного общества сопровождается объективным нарушением баланса между правами авторов и инвесторов, с одной стороны, и интересами общественности – с другой. Отсюда вполне логично следует – с другой. Отсюда вполне логично следует, что смысл правовому регулированию отношений в цифровой среде в эпоху Интернет придает ориентация на установление подобного равновесия. Глобальная природа Интернета предполагает и глобальные усилия в этом направлении, открывая новую страницу в истории развития международного права, которое распространяет свой регулятивный потенциал на цифровую среду вообще и онлайн-среду в частности.

Вполне очевидно, что онлайн-среда не может быть ареалом полной анархии. Управление и регулирование Интернета предполагает систему правовых норм, принципов и стандартов на международном и национальном уровне, которые призваны сбалансировать права, обязанности и интересы сторон, вступающих в онлайн-отношения.

Интернет – это глобальная среда, которая по своей природе и назначению предполагает международно-правовые правила. К важнейшим принципам регулирования Интернета относятся императивные принципы международного права – уважение и соблюдение человеческого достоинства, прав и свобод человека; принцип сотрудничества; принцип суверенного равенства государств и др., а также особенные, например, принцип содействия и помощи развивающимся странам в целях преодоления цифрового неравенства⁷. Указанные принципы составляют собой базовую платформу международно-правовых стандартов регулирования и управления Интернетом. Они находятся в основе специальных принципов Интернета, которые выводятся из принципов демократического информационного общества и артикулированы в документах Всемирной конференции по информационному обществу (ВВУИО, Женевский 2003 года и Тунисский этап 2005 года). Специальные при-

and Prosperity. Report of McKinsey Global Institute. May, 2011 // <http://www.g8.utoronto.ca/summit/2011deauville/eg/eg8.mckinsey.pdf> (дата обращения: 17.04.2012).

⁴ Mueller M.L. *Network and States: The Global Politics of Internet Governance*. Cambridge, MA: The MIT Press, 2010. P. 5 – 6, 129 – 252.

⁵ Mackinnon R. *Consent of the Networked: The Worldwide Struggle For Internet Freedom*. New York: Basic Books, 2012. P. 4.

⁶ См.: Reed C. *Internet Law Text and Materials*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge Internet Law. 2004. P. 96 – 106, 258 – 290.

⁷ В полном соответствии с данным принципом в п. 19 Довильской декларации была признана важность облегчения доступа развивающихся стран к Интернету и содействие его использованию в целях развития.)

нципы (недискриминация, открытость для всех, безопасность, устойчивость и т.д.) закреплены в документах Всемирного Форума по управлению Интернетом.

Признание значения международно-правовых норм и принципов означает, что они исходят и формулируются государствами и международными организациями как основными субъектами международного права. В 2004 году в своей рекомендации (1670)2004 ПАСЕ рекомендовала Комитету Министров разработать правовой документ, по возможности международный кодекс, регулирующий права и обязанности пользователей Интернета. Это означает, что международно-правовое регулирование Интернета, за исключением Конвенции Совета Европы против киберпреступности 2001 г., в настоящее время представлено в основном базой источников мягкого международного права, образованной декларациями и резолюциями ООН, Совета Европы, документами специализированных международных организаций (Международный союз электросвязи, ОЭСР и т.д.). Однако это обстоятельство, как отмечает Й. Кураблйя, не может трактоваться как некая ущербность нормативной международно-правовой базы в данной сфере, так как «мягкое право» становится возможным благодаря длительным переговорам и усилиям, в результате которых в соответствующих документах закрепляются определенного рода международно-правовые обязательства⁸.

Несмотря на широкий круг документов международно-правового и политического характера, к настоящему времени окончательный консенсус относительно управления и регулирования Интернетом не выработан. Это сдерживает разработку, принятие и последующую имплементацию широкой системы всеобщих международно-правовых стандартов, имеющих в формальном смысле обязательную юридическую силу. Вместе с тем, на уровне общих норм и принципов, носящих стратегическо-ориентирующий характер, мировой сообщество сделало важнейшие шаги вперед.

Использование преимуществ Интернета как «драйвера» экономического и социально-экономического развития в интересах всех государств, народов, групп и отдельных индивидуумов требует выработки согласованной политики и общего правового поля, учитывающих содержательную особенность архитектуры сети и тех процессов, которые в ней происходят. В связи с тем, что Интернет является главной инновацией современности и одним из факторов процессов глобализации, первоочередное значение имеют различные международные форумы, на которых происходит выявление проблемных

моментов и согласование позиций. К таким традиционным форумам относятся международные организации (ООН, Совет Европы, ОЭСР и др.), в рамках которых разрабатываются и принимаются международно-правовые стандарты регулирования Интернетом. Данные форумы проводят соответствующую работу в целях институционального оформления цифровой среды, составляющего свое рода ее институциональную экологию.

Свой вклад в формулировку основных принципов Интернета внес Довильский саммит. Как следует из п. 9 Декларации, общими принципами онлайн-среды являются открытость, транспарентность, свобода, недискриминация и добросовестная конкуренция. Было подчеркнуто, что данные принципы развития и успешного функционирования Интернета подтвердили свою значимость и должны и впредь определять его развитие. Хотя в перечень принципов по каким-то причинам и не попал принцип безопасности, последний, судя по различным пунктам Декларации, имеет не менее значимый характер, чем все остальные принципы. При этом следует учитывать, что безопасность употребляется в двух значениях – безопасность человека и общества (п. 16: защищенность персональных данных и неприкосновенность частной жизни; п. 18: безопасность пользования Интернетом детьми; п. 17: кибербезопасность) и безопасность работы Интернета как технологической системы (п. 17: безопасность сетей и услуг).

В целях достижения комплексного характера анализа нельзя не указать на одну значительную деталь. Буквально за десять дней до начала Саммита Белым Домом (США) была обнародована «Международная стратегия по действиям в киберпространстве: процветание, безопасность и открытость в сетевом мире»⁹. Данный документ исходит из важности мировой сети для процветания США и всего мира. В качестве наиболее главных характеристик киберпространства выделены – открытость для инноваций, взаимодействие по всему миру, безопасность и надежность. Обращает на себя внимание то, что в число определяющих характеристик не вошел пункт о киберпространстве как пространстве осуществления прав и свобод человека. Однако данный аспект был позиционирован как ориентир деятельности в сфере развития сетевых технологий, а именно – приверженность свободе самовыражения, ассоциаций, личной жизни и свободному потоку информации. В этот перечень можно также включить и обеспечение доступа к Интернету.

⁸ Kurbalija J. Internet Governance and International Law // <http://www.wgig.org/docs/book/JK.html> (дата обращения: 30.04.2012).

⁹ International Strategy for Cyberspace Prosperity, Security, and Openness in a Networked World // http://www.whitehouse.gov/sites/default/files/rss_viewer/international_strategy_for_cyberspace.pdf (дата обращения: 14.04.2012).

Разумеется, данная Стратегия является политическим документом, но она содержит некие перспективы для международно-правового регулирования Интернета. Это обстоятельство самым детальным образом проанализировал D. Fidler¹⁰. Им был отмечен один изъян Стратегии: увлечение заверениями о необходимости обеспечения свободы Интернета оставило в стороне декларирование приверженности таким международно-правовым принципам, как принцип уважения государственного суверенитета и связанного с ним принципа невмешательства во внутренние дела. Поэтому идея верховенства закона в управлении киберпространством на национальном и международном уровне оказалась значительным образом «резанной».

Вместе с тем интересно, что к одной из норм управления Интернетом отнесено уважение собственности, которую можно рассматривать как одно из международно признанных прав человека. Речь, прежде всего, идет об интеллектуальной собственности (Intellectual Property/IP). Данный вывод находит свое подтверждение в призыве к защите интеллектуальной собственности, в том числе коммерческой тайны от воровства. В целом Международная стратегия акцентирует внимание на необходимости поддержания инноваций в Интернете, обеспечении кибербезопасности и стремлении поддержки сотрудничества самых разных акторов в деле управления Интернетом в целях утверждения его свободы.

Если вновь вернуться к Довильской декларации, то она является самостоятельным документом, имеющим оригинальную содержательную композицию. В частности, имеются все основания для того, чтобы выделенные принципы Интернета рассматривать как имеющие специальный характер. Более того без труда в ней можно найти детализацию принципа свободы. В п. 11 Декларации было провозглашено, что «соблюдение свободы слова, выражения мнений, информации, собрания и ассоциаций должно быть гарантировано в отношении Интернета в той же степени, что и в любой другой сфере общества».

Вместе с тем никто не будет спорить о том, что свобода, где бы она не отстаивалась, не может быть абсолютной. Из этого следует, что принципы Интернета, включая свободу, должны быть согласованы с более общими политико-правовыми принципами по аналогии с принципом верховенства права в упомянутой Международной стратегии США. Последние были перечислены в п. 10 Раздела II Довильской декларации.

Это выражает в целом верный подход, нацеленный на то, чтобы сетевые свободы, к одной из которых относится, например, свобода от цензуры¹¹ не трансформировались бы в сетевую вседозволенность. В итоге можно говорить о распространении на виртуальное пространство Интернета важнейших принципов, защита которых обеспечивалась бы надежными гарантиями. Данные положения всецело созвучны выводам, к которым приходит доктрина. В частности, противники интернет-утопизма и центризма аргументированно обосновывают то обстоятельство, что Интернет не только является пространством свободы, но последний способен ограничивать и даже уничтожать свободу и создавать эффект деполитизации¹².

Обращает на себя внимание несколько непривычная композиция фундаментальных принципов. Помимо таких традиционных принципов, как уважение верховенства права, прав человека и основных свобод был заявлен принцип защиты прав интеллектуальной собственности. «Соблюдение этих принципов должно осуществляться в более широком контексте уважения верховенства закона, прав человека и основных свобод, защиты прав интеллектуальной собственности – то есть всего того, что составляет суть любого демократического общества и служит на благо всех его граждан» (п. 10).

2. Проблематика защиты интеллектуальной собственности в рамках «Группы восьми». К важнейшим аспектам управления Интернетом относятся вопросы соблюдения и защиты авторских и смежных прав в онлайн-среде (online environment), дискутируемые на национальном и международном уровне в рамках различных сообществ, чья деятельность связана с Интернетом. Проблема осуществления и соблюдения авторских прав, равно как и права интеллектуальной собственности в Интернете в целом, является составной частью дискуссий о развитии и регулировании Интернета¹³. Однако консенсус относительно прав интеллектуальной собственности в Интернете пока не достигнут.

¹¹ В соответствии с п. 11, «наличие произвольной или избирательной цензуры и ограничение доступа в Интернет противоречит международным обязательствам государств и абсолютно неприемлема. Более того, это препятствует экономическому и социальному росту».

¹² Morozov E. The Net Delusion: The Dark Side of Internet Freedom. Ch. 9. Internet Freedoms and Their Consequences. N.Y.: Public Affairs, 2011. P. 245 – 274.

¹³ Zittrain J. The Future of the Internet and How to Stop It. New Haven, London: Yale University Press 2009, p. 121 – 122, 188 – 192; Copyright Law, Digital Content and the Internet in the Asia-Pacific. Ed. By B. B. Fitzgerald. Sydney, 2006, Lessig L. Code: And Other Laws of Cyberspace. Version 2.0. N.Y.: Basic Book, 2006. P. 169 – 199.

¹⁰ Fidler D. International Law and the Future of Cyberspace: The Obama Administration's International Strategy for Cyberspace // ASIL Insights. Vol. 15. Issue 15 // <http://www.asil.org/insights110608.cfm> (дата обращения: 18.02.2012).

«Большая восьмерка» является форумом, тематика которого носит открытый характер. Как отмечается в специальной литературе, «наряду с экономическими и финансовыми вопросами, постепенно появлялись все новые темы: проблемы политики, а впоследствии разнообразные наднациональные, международные проблемы – от состояния окружающей среды до терроризма и инфекционных заболеваний. Неожиданные события мирового значения, происходящие накануне или во время саммитов, также неизбежно влияют на повестку дня»¹⁴.

В начале XXI века к постоянной повестке дня встреч лидеров наиболее влиятельных государств в рамках G8 стали относиться вопросы защиты интеллектуальной собственности. При этом надо отметить, что данные вопросы не имеют исключительно самодостаточного значения – они интегрированы в более общие вопросы обеспечения экономического роста и инновационного развития, поддержки творческих инициатив. Следовательно, в соответствии с подходом G8 поддержка инновационного развития тесным образом связана с неукоснительным соблюдением прав интеллектуальной собственности. Данной связи посвящены либо отдельные пункты итоговых деклараций, либо специальные заявления, либо специальные декларации. При этом в соответствующих документах не только подчеркивается своего рода принцип важности интеллектуальной собственности для инновационного развития, но и намечается комплекс мер по борьбе с интеллектуальным пиратством и контрафактной продукцией.

Если идти в хронологическом порядке, то вопросы защиты интеллектуальной собственности нашли свое отражение в Окинавской хартии глобального информационного общества 2000 года. В п. 7 данного документа признается, что защита прав интеллектуальной собственности на информационные технологии имеет важное значение для продвижения нововведений, связанных с ИКТ, развития конкуренции и широкого внедрения новых технологий. Помимо этого было закреплено обязательство правительств использовать только лицензионное программное обеспечение¹⁵.

В 2005 году 8 июля в Глениглсе «Группа восьми» приняла Заявление по борьбе с интеллектуальным пиратством и контрафактной продукцией посредством повышения эффективности правоприменительной практики. Как отмечалось в п. 1 Заявления, «рост объемов

торговли пиратской и контрафактной продукцией, который может быть связан с организованной преступностью, угрожает занятости, внедрений инноваций, экономическому росту, здоровью и безопасности потребителей по всему миру»¹⁶. Таким образом, здесь находит свое подтверждение принципиальная позиция, в соответствии с которой интеллектуальная собственность – не препятствие, а напротив, условие инновационного развития как основы устойчивого развития в целом. В п. 2 была подчеркнута верность международно-правовым обязательствам в сфере защиты прав интеллектуальной собственности. В п. 3 нашел свое отражение перечень мер по сокращению мировой торговли пиратской и контрафактной продукцией, в том числе осуществляемой посредством Интернета.

Комплекс мер по борьбе с интеллектуальным пиратством в рамках широкого международного сотрудничества нашел свое развитие в Заявлении «Группы восьми» по борьбе с интеллектуальным пиратством и контрафактной продукцией, принятого 16 июля 2006 года в Санкт-Петербурге¹⁷. Представляется, что комплекс мер и рекомендаций был синхронизирован с принятием стратегии построения глобального инновационного общества (Раздел 1 «Формирование глобального инновационного общества» Итогового документа саммита группы восьми «Образование для инновационных обществ в XXI веке»).

Далее в рамках Хайлигендамского саммита (6 – 8 июля 2007 г.) был инициирован Хайлигендамский процесс, предполагающий новое партнерство для решения целого ряда общих глобальных вопросов, к числу которых было отнесено содействие исследованиям и инновациям, в том числе в сфере охраны интеллектуальной собственности. Большой интерес представляют собой положения раздела IV «Поощрение и защита инноваций» Декларации 2007 года «Рост и ответственность в мировой экономике» Декларация «Группы восьми»¹⁸. В п. 34 Декларации подчеркивается, что эффективно функционирующие системы интеллектуальной собственности

¹⁴ Хайнал П.И. ван Группа восьми и Группа двадцати: эволюция, роль и документация. Пер. в англ. М.: Логос, 2008. С. 99.

¹⁵ Окинавская хартия глобального информационного общества // <http://www.g8russia/g8/history/okinawa2000> (дата обращения: 25.04.2012).

¹⁶ Заявление «Группы восьми» по борьбе с интеллектуальным пиратством и контрафактной продукцией посредством повышения эффективности правоприменительной практики», 2005 г. // http://archive.kremlin.ru/interdocs/2005/07/08/1443_type72067_91144.shtml?type=72067(дата обращения: 24.04.2012).

¹⁷ Заявление «Группы восьми» по борьбе с интеллектуальным пиратством и контрафактной продукцией, 2006 г. http://archive.kremlin.ru/interdocs/2006/07/16/1830_type72067_108827.shtml?type=72067 (дата обращения: 24.04.2012).

¹⁸ Рост и ответственность в мировой экономике // <http://archive.kremlin.ru/text/news/2007/06/133340.shtml> (дата обращения: 15.04.2012).

выступают важнейшим фактором устойчивого развития глобальной экономики за счет поощрения инноваций. В свою очередь повсеместное нарушение прав интеллектуальной собственности создают угрозы для получения выгод от инноваций для обеспечения экономического роста и развития (п. 35).

Новым моментом в усилиях G8 в этом направлении стало одобрение Руководящих принципов сотрудничества между органами таможенного и пограничного контроля, Руководящих принципов оказания технической помощи в области защиты прав интеллектуальной собственности заинтересованным развивающимся странам, Рекомендации по повышению эффективности совместных мероприятий по борьбе с серьезными преступлениями и организованной преступностью в области прав интеллектуальной собственности. Помимо этого был поставлен вопрос о создании целевой Рабочей группы по правам интеллектуальной собственности (G8 Intellectual Property Expert Group/IPEG). Большой интерес вызывает повестка для нового диалога по защите прав интеллектуальной собственности, непосредственно обращенная к практике предприятий.

Вопросы эффективного поощрения и защиты прав интеллектуальной собственности обсуждались на саммите G8 на Хоккайдо (7 – 9 июля 2008 года). В п. 17 Основного Итогового документа нашло свое подтверждение необходимость прав интеллектуальной собственности для создания креативных продуктов и технологий и для развития экономики¹⁹. Была заявлена необходимость активизировать усилия в этом направлении, в том числе по ускорению переговоров по Торговому соглашению по борьбе с контрафактной продукцией (АСТА)²⁰. В п. 18 подчеркнута значимость глобальной унификации патентного законодательства и ускорения обсуждения Основного договора о патентном праве²¹.

В условиях выхода из мирового финансово-экономического кризиса 2008 – 2009 гг. Большая восьмерка с удвоенной силой обратилась к поощрению инноваций и мировой инновационной системы как условию посткризисного развития. Соответственно, в Заключительном докладе Хайлигендамского процесса, принятого на саммите в Аквиле, проходившего 8 – 10 июля 2009 года, внимание было обращено на мировую инновационную систему и на необходимость совершенствования меж-

дународной системы интеллектуальной собственности, повышения ее эффективности на благо всех (п. 24), а также в целях повышения эффективности инновационной деятельности для скорейшего восстановления экономики (п. 26)²². Обращает на себя внимание такой факт: в п. 25 говорится о сбалансированности системы прав интеллектуальной собственности. Это означает, что она должна поощрять инновационную деятельность и творческий подход, одновременно обеспечивая защиту общественных интересов. Помимо этого в декларации 2009 г. «Ответственное управление во имя стабильного будущего», акцент был поставлен на создании деловой среды, в которой уважаются права интеллектуальной собственности. На саммите 2010 года (Мускок, 25 – 26 июня 2010 г.) Восьмерка специально не сосредотачивалась на вопросах защиты интеллектуальной собственности. Однако это неявно предполагалось в Инициативе №5 к Мускокской декларации, предполагающей улучшения в сфере разработки и распространения инноваций.

В целом, если подводить итоги краткого рассмотрения проблематики защиты интеллектуальной собственности в рамках G8, следует отметить, что помимо пресекательных мер предусмотрено распространение информации о наилучшей практике, а также, пусть и пунктирно, указаны меры по повышению и степени осведомленности и информированности общественности в сфере признания важности интеллектуальной собственности для инновационного развития и необходимости ее уважения и соблюдения²³. Если же говорить о конкретных действиях по выполнению заявленной стратегии совершенствования защиты прав интеллектуальной собственности, то рекомендации, заключенные в документах G8, стали основой для Рекомендаций, выработанных IPEG на предмет создания глобальной системы эффективной защиты интеллектуальной собственности как условия успешного инновационного развития²⁴. Первые и вторые легли в основу рекомендаций Комиссии по интеллектуальной собственности Международной

¹⁹ Основной Итоговый документ «Группы восьми», 8 июля 2008 года // http://news.kremlin.ru/ref_notes/251 (дата обращения: 14.03.2012).

²⁰ Anti-Counterfeiting Trade Agreement // <http://www.ustr.gov/acta> (дата обращения: 1.04.2012)

²¹ Договор о патентном праве, принятый Дипломатической конференцией 1 июля 2000 года // http://www.wipo.int/treaties/ru/ip/plt/trtdocs_wo038.html (дата обращения: 3.04.2012).

²² Заключительный доклад Хайлигендамского процесса, 2009 г. // http://news.kremlin.ru/ref_notes/10 (дата обращения: 6.04.2012).

²³ См., например, п. 25 Заключительного доклада Хайлигендамского процесса, 2009 г. На более детальном уровне в сфере образования в целях поощрения уважения интеллектуальной собственности работает Совет Европы.

²⁴ G8 Intellectual Property Experts Group Report of Discussions, 2009 // http://www.g8italia2009.it/static/G8_Allegato/ITIY%20g8%20IPEG%20Final%20Report.0.pdf (дата обращения: 14.04.2012); G8 Intellectual property Experts Group Report of Discussions, 2008 // http://www.mofa.go.jp/policy/economy/summit/2008/doc/pdf/0708_02=en.pdf (дата обращения: 14.04.2012).

торговой палаты (ICC) в рамках программы последней направленной на борьбу с пиратством и контрафактом – «Бизнес в борьбе с контрафактом и пиратством» (BASCAP)²⁵.

3. Проблемы формирования демократического киберпространства в контексте баланса международно признанных прав и свобод человека. Придание в Довильской декларации защите прав интеллектуальной собственности статуса основополагающего демократического политико-правового принципа вызвало волну недоумения в мировых экспертных и научных кругах. Разумеется, верховенство права, уважение и защита прав человека, защита прав интеллектуальной собственности являются неотъемлемой чертой любого демократического общества и служат на благо его граждан. Однако весь вопрос в том, может ли защита интеллектуальной собственности претендовать на статус основополагающего, т.е. базового конституционного принципа современной демократии, распространяемого на Интернет. Данный вопрос отличается повышенной доктринальной и практической актуальностью. Его решение способно оказать непосредственное воздействие на содержание и направление правового регулирования авторских прав, как и всей системы прав интеллектуальной собственности в сети Интернет.

Будущее Интернета коррелирует будущности демократического информационного общества. Дело в том, что в современных условиях, как нам представляется, проблема демократии в век Интернета и проблема свободы и демократии самого Интернета, по сути, совпадают. Граждане реализуют свои права посредством Интернета, но последний сам становится одним из важнейших пространств реализации прав. Более того, как следует из п. 5 Довильской декларации, Интернет является ценным инструментом для продвижения свободы, демократии и прав человека. По сути, этот же тезис был продублирован и в п. 13, где нашла свое подтверждение нацеленность на стимулирование использования Интернета в качестве инструмента продвижения прав человека и демократии во все мире. С одной стороны, это радует, а с другой – вселяет беспокойство по поводу возможных эксцессов использования Интернета по «продвижению демократии во всем мире».

²⁵ Интеллектуальная собственность: пособие для предпринимателей (Комиссия Международной торговой палаты по интеллектуальной собственности). С. 21 – 27. Приложение 1. Рекомендации Большой восьмерки (G8) для органов власти по использованию программного обеспечения с соблюдением интеллектуальных прав // http://www.iccwbo.ru/documents/recomendacii_icc_bascap_dla_predprinimatelei_po_intellectualnoi_sobstvennosti27.pdf (дата обращения: 29.04.2012.).

В киберпространстве с новой силой возобновляется проблематика соотношения государства и прав человека. «Интернет может быть мощным орудием в руках граждан, стремящихся держать правительства в ответе – но только если мы сохраним открытость и свободу Интернета»²⁶. В век Интернета борьба за права и свободы человека трансформируется в борьбу за права и свободы в Интернете, за т.н. «цифровые» права и свободы. Все это во многом определяется тем, что в современных условиях осуществление подавляющего количества международно признанных прав и свобод человека обусловлено использованием информационно-коммуникационных технологий, а в более заостренной форме – использованием Интернета. Цифровая среда предоставляет новые возможности не только для общества, но и для индивидуального развития и свободы²⁷.

Цифровая среда предоставляет и новые возможности для государства, а именно для осуществления ими своих обязательств в сфере прав человека. Как подчеркивается в п. 7 Довильской декларации, для правительств Интернет является инструментом более эффективного администрирования, предоставления услуг частным лицам и бизнесу, улучшения отношений со своими гражданами и обеспечение уважения и поддержки прав человека.

Интернет обеспечивает доступ к знаниям, информации, культуре, что имеет основополагающее значение для свободы и развития. Поэтому неслучайно в последнее время в перечне международно признанных прав человека появилось такое право, как право на доступ к Интернету (Right to Internet Access), которое имеет самое непосредственное отношение к информационным правам и праву на участие в научно-технологическом прогрессе и практическому использованию его результатов. Данное право было подтверждено в Декларации (п. 14), однако в несколько усеченном виде, ибо оно рассматривается здесь как условие участия в экономической жизни. Если в широком аспекте оценивать право на доступ к Интернету, то оно является обеспечительным условием участия в экономической, культурной, научной и политической жизни.

Значимость движения за построение демократического Интернета предполагает решение дилеммы, заключающейся в том, чем является Интернет – пространством свободы или пространством контроля в направлении

²⁶ Mackinnon R. Consent of the Networked: The Worldwide Struggle for Internet Freedom. New York Basic books, 2012. P. XXV.

²⁷ Benkler Y. The Wealth of Network: How Social Production Transforms Market and Freedom. Ch. 5. Individual Freedom Autonomy, Information and Law. New Haven, London: Yale University Press, 2007. P. 135 – 175.

утверждения свободы при сохранении адекватной, разумеется, меры контроля. То, что эта проблема имеет действительно актуальный характер, можно понять из некоторых обобщений, которые сделал L. Lessig. По его мнению, Интернет движется к контролю, что контрастирует его первоначальной идее, сформированной при его рождении (контроль необходим ради избегания зла, которым является, например, фашизм). Буквально на глазах создается архитектура контроля. В этих условиях действительно необходима борьба за свободу, которая предотвращает превращение Интернета в среду совершенного/тотального контроля. Однако борьба за свободу Интернета должна предполагать не попятное движение к анархии, а предполагать выработку адекватного и эффективного контроля, не противоречащего свободе²⁸.

Как известно, основополагающие политико-правовые принципы верховенства права, демократии, прав и свобод человека не только предполагают, но и существуют в режиме сбалансированности друг с другом. Разумеется, принцип баланса не может предотвратить спорадического возникновения неких напряженностей между принципом верховенства права, с одной стороны, и принципом уважения и защиты прав человека, являющегося одновременно принципом современного международного права *jus cogens*. Однако данные напряженности так или иначе разрешаются.

Другой вопрос заключается в том, что защита прав интеллектуальной собственности, где бы то ни было – в цифровой или нецифровой среде, не может рассматриваться как основополагающий принцип, имеющий равновеликий вес с конститутивными принципами современной демократии. Защита прав интеллектуальной собственности – это всего лишь одна из обязанностей государств, проистекающая из международно признанного права человека на защиту моральных и материальных интересов, возникающих в связи с любыми научными, литературными или художественными трудами, автором которых он является (ст. 15.1.с Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах), а также их массива международных соглашений в сфере интеллектуальной собственности.

Имеются все основания подчеркнуть, что указанное международно признанное право человека не может по своей природе «вклиниться» в систему основополагающих принципов и стать одним из ее элементов. В противном случае нарушается принцип нераздельности и взаимозависимости международно признанных прав человека, когда одно право, пусть и достаточно важное, приобретает вес, характерный для всей системы между-

народно признанных прав человека. Сказанное ни в коей мере не должно истолковываться как факультативность обязательства государств по защите интеллектуальной собственности, вытекающего из международного права интеллектуальной собственности, рассматриваемого в доктрине как подотрасль международного экономического права²⁹. На наш взгляд, акцентуация защиты интеллектуальной собственности в форме базового конституционного принципа Интернета проистекает из стремления создать заслон для превращения сетевых свобод в сетевую вседозволенность, проявляющуюся например, в выкладыванию пиратского ПО в торренты. Другой вопрос в том, а не будет ли столь радикальная приверженность принудительному соблюдению прав интеллектуальной собственности препятствием для последовательной реализации идеи онлайн-среды?

В целом если рассматривать положения Декларации G8 2011 года, то может показаться, что в ней положительным образом решен вопрос о согласовании авторских прав с цифровыми правами. В качестве одной из проблем, которая претендовала на то, чтобы быть решенной в Декларации, выступила проблема создания условий для сбалансированной реализации свободы Интернета, прежде всего, свободы выражений и информации, с одной стороны, и прав интеллектуальной собственности – с другой.

В пункте 15 Декларации проводится идея баланс прав интеллектуальной собственности и свободы информации. Здесь провозглашено принятие действенных мер по обеспечению доступа и открытость в отношении знаний, образования и культуры, включая поощрение постоянных инноваций в осуществлении законной интернет-торговли товарами и контентом при необходимости должного уважения прав интеллектуальной собственности. Однако по большому счету это *мнимый баланс*, так как Декларация не закрепила выражение готовности предпринять усилия по модернизации авторского права применительно цифровой эпохе.

Поскольку Интернет не является каким-то особым пространством, созданным преимущественно для реализации моральных и экономических интересов правообладателей, то, на наш взгляд, соблюдение авторских прав не может быть возвышено до уровня основополагающего принципа, ограничивающего такой принцип Интернета, как свобода. Возникает вопрос, почему защита прав интеллектуальной собственности рассматривается как фундаментальный принцип Интернета, а не скажем, эффективная защита личных

²⁸ Lessig L. Code: And Other Laws of Cyberspace. Version 2.0. N.Y.: Basic Book, 2006. P. 169 – 199.

²⁹ Международное экономическое право. М.: КНОРУС, 2011. С. 232 – 270.

данных и неприкосновенности частной жизни, предусмотренные п. 16 Декларации?

На наш взгляд, ответ достаточно прост и заключается в том, что интеллектуальная собственность является стержнем современной, в том числе цифровой экономики, которой так много внимания уделяется в Декларации. Вместе с тем, придание интеллектуальным правам приоритетного характера означает дисбаланс (несмотря на все внимание к защите других прав) между экономическими и гражданско-политическими правами, среди которых центральным является право на свободу выражения и информации. Выходом из создавшейся коллизии могло бы стать признание принципа баланса авторских и информационных прав, который также с необходимостью должен привести к принятию государствами соответствующих обязательств.

Интернет – это пространство, прежде всего, свободы, предполагающей право на свободу выражения, информации, мнения. Из этого следует, что контроль за мыслью, мнениями и информацией в Интернете должен отсутствовать. По мнению международной организации Article XIX, Довильская декларация не содержит четкого признания со стороны государств G8 обязательств в сфере международных прав человека, касающихся свободы выражения и права на информацию. Поэтому лидеры соответствующих государств призываются к выражению четкого политического обязательства применительно к свободе выражения и информации в Интернете через соглашения, заключаемые G8, а также через реализацию соответствующей национальной политики³⁰. Помимо этого Article 19, приветствуя принципы Интернета (открытость, транспарентность, свобода, недискриминация, добросовестная конкуренция), посчитала нужным отметить, что ключевым принципом Интернета также должна быть признана защита прав человека. В этой связи указанные принципы Интернета должны быть первоначально согласованы с данным принципом, а уже затем с принципом защиты прав интеллектуальной собственности. Из этого можно сделать вывод о том, что защита авторского права не является главной движущей силой развития инновационной сетевой среды. Однако это не должно умалять значение авторского права.

В соответствии с господствующей парадигмой защита интеллектуальной собственности является платформой стимулирования инноваций и поддержания творческой активности. Данная позиция прослеживается в документах Совет Европы. Так, в разделе 6 Декларации Комитета министров о правах человека и верховенстве права в информационном обществе 2005

³⁰ Article XIX. Press release, 27 May 2011 // www.article19.org (дата обращения: 3.03.2012).

года, говорится о том, что «отсутствие эффективных мер защиты права интеллектуальной собственности препятствует инновациям и творчеству, сокращает инвестиции»³¹.

При этом нельзя не воспроизвести и еще одну истину: фундаментом демократического общества является право на свободу выражения и информации. Оно также является правочеловеческой основой Интернета, что привлекает внимание не только исследователей³², но и международные организации. Достаточно указать на Декларацию Совета Европы о свободе коммуникации в системе Интернет 2003 года, в соответствии с принципом 1 которой государства-члены не подвергают содержание информации в Интернете ограничению большему, чем это применяется к другим средствам доставки информации. Помимо этого принцип 3 гарантирует отсутствие государственного контроля, а принцип 7 – анонимность³³. Помимо этого декларация предусматривает баланс цифровых прав с другими правами.

Одновременно с этим Совет Европы занимается разработкой стандартов, утверждающих баланс между защитой прав интеллектуальной собственности (ст. 15.1.c Международного пакта о гражданских и политических правах, ст. 1 Протокола №1 к Европейской конвенции по правам человека) и правом на свободу самовыражения, мнения и информации (ст. 19 Международного пакта о гражданских и политических правах, ст. 10 Европейской конвенции о защите прав и свобод человека). Призыв Совета Европы к государствам, частному сектору и гражданскому обществу учитывать и реализовывать данный баланс содержится в резолюциях Комитета Министров Совет Европы³⁴.

Столь пристальное внимание балансу указанных прав, одно из которых относится ко второму поколению (право на защиту моральных и материальных интересов правообладателей), а другое – к первому поколению (пра-

³¹ Declaration of the Committee of Ministers on Human Rights and the Rule of Law in the Information Society, CM(2005)56final // <http://www.infap.ru/ofdoes/eu/dnrrlis.pdf> (дата обращения: 22.01.2012).

³² Jørgensen R.F. Freedom of Expression on the Internet. EMA Thesis, Raoul Wallenberg Institute, Stockholm, 2001.

³³ Committee of Ministers Declaration on Freedom of the Internet, 28 May, 2003 // <http://wcd.coe.int/viewDoc.jspsid=37031> (дата обращения: 4.04.2012).

³⁴ Declaration on the Committee of Ministers on Measure to Promote the Respect of Article 10 of the Convention on Human Rights, 2010; Recommendation CM/Rec(2007)11 of the Committee of Ministers to Member States on Promoting Freedom of Expression and Information in the New Information and Communications Environment; Recommendation R(86)99 of the Committee of Ministers to Member States on Copyright and Cultural Policy.)

во на информацию и свободное самовыражение), говорит о наличии между ними серьезной напряженности. В свете принципа неделимости и взаимозависимости всех прав и свобод человека не представляется возможным игнорировать указанное напряжение и подчас конфликт, подрывающий систему международно признанных прав и свобод человека. Поддержание баланса – веление духа цифровой эпохи, выгоды от которой должны распределяться равномерным образом между правообладателями и пользователями.

Право на защиту моральных и материальных интересов правообладателей находится в достаточно сложных отношениях и с другими правами человека, например, правом на участие в научно-технологическом прогрессе и практическом использовании его результатов, предусмотренного ст. 15.1.b Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах. Поэтому неслучайно, что в последние десятилетия практическое и доктринальное значение приобрели вопросы утверждения баланса между правами человека в целом, с одной стороны, и правами интеллектуальной собственности – с другой³⁵, включая вопросы баланса между правами интеллектуальной собственности (авторскими и смежными правами) и правом на свободу выражения³⁶, особенно в Интернете. Это связано с тем, что противоречие между собственностью на знания и свободой выражения всецело распространяются на Интернет³⁷ и побуждает искать оптимальный баланс.

Принцип баланса нашел свое закрепление в документах Всемирного саммита по информационному обществу (ВВУИО). Так, в п. 42 Декларации принципов подчеркивается, что «для поощрения инновационной деятельности и творчества в информационном обществе важно обеспечить защиту интеллектуальной собственности...». Далее упоминается о том, что «широкое распространение, популяризация и совместное использование информации также важны для поощрения

инновационной деятельности и творчества. Содействие осознанному участию всех в решении вопросов интеллектуальной собственности и совместном использовании знаний посредством полномасштабного информирования и наращивания потенциала является одним из основных элементов открытого для всех информационного общества»³⁸. В рекомендации Круглого стола №2 «Разнообразие в киберпространстве» (11 декабря 2003 года) предлагалось рассмотреть вопрос о разработке конвенций, которые дали бы пользователям возможность применять существующий контекст в качестве основы, не нарушая при этом существующее законодательство по авторскому праву³⁹.

Не менее интересными являются выводы, к которым пришли участники Круглого стола №3 «ИКТ как инструмент для достижения целей в области развития на пороге тысячелетия» (11 декабря 2003 года). Было отмечено, что права интеллектуальной собственности – это важнейший аспект построения открытого информационного общества. В этом смысле существенное значение начинает играть установление баланса прав и обязанностей правообладателей, путем, например, обеспечения большего разнообразия программного обеспечения с открытыми кодами и специальных соглашений о ценообразовании на продукты и услуги на базе ИКТ. Было предложено распространить права интеллектуальной собственности, связанные с торговлей, и изъятия в области медицины на такие сферы, как образование, для того, чтобы способствовать большей гибкости в отношении прав интеллектуальной собственности в связи с тем, что последние препятствуют обеспечению более приемлемого в ценовом отношении доступа и более широкому совместному использованию знаний. В качестве решающего фактора в решении этого вопроса по признанию участников круглого стола является политическая воля⁴⁰.

Нельзя не отметить, что идея баланса как таковая не чужда «Группе восьми». В п. 10 Декларации отмечается, что необходимо стремиться *одновременно* (курсив мой – М.Ш.) к достижению свободы и безопасности, соблюдению транспарентности и конфиденциальности в той же неразрывной связи, как между соблюдением прав человека и исполнением обязанностей. «Защита этих базовых механизмов и принципов и предоставление

³⁵ Chapman A., Russell S. Core Obligations: A Framework for Economic, Social and Cultural Rights. Oxford: Hart Publishing, 2002, P. 315; Dutfield, G., Suthersanen, U. Global Intellectual Property Law. Cheltenham, Northampton: Edward Elgar, 2008, P. 213 – 233.

³⁶ Gross R. Intellectual Property Rights and the Information Commons // Human Rights in the Global Information Society. Ed. By R. F. Jørgensen. Cambridge, MA, 2006. P. 107 – 120; Burrell R., Coleman A. Copyright Exceptions: The Digital Impact. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. P. 15 – 42; Hugenholtz, P.B. Copyright and Freedom of Expression in Europe, in Dreyfuss, R.C. et al. (eds.) Innovation Policy in an Information Age. Oxford: Oxford University Press, 2002. P. 343 – 364.

³⁷ Jørgensen R.F. The Right to Express Oneself and to Seek Information // Human Rights in the Global Information Society. Ed. By R. F. Jørgensen. Cambridge, MA, 2006. P. 58 – 59.

³⁸ Geneva Declaration of Principles // WSIS-03/Geneva/Doc4-R.

³⁹ Всемирный саммит по информационному обществу. С. 35 // <http://www.ifap.ru/library/book193.pdf> (дата обращения: 24.04.2012).

⁴⁰ Всемирный саммит по информационному обществу. С. 35 – 36 // <http://www.ifap.ru/library/book193.pdf> (дата обращения: 24.04.2012).

гарантий должны осуществляться как в Интернете, так и в любой другой сфере». Из этого следует, что Интернет не рассматривается как некая особая среда со своими особыми конституционными принципами. Но с другой стороны, идея баланса не была распространена на соотношение защиты прав интеллектуальной собственности и защиты цифровых прав, что подтверждает приверженность к доминированию первых.

По замыслу G8, эффективная защита прав интеллектуальной собственности не должна быть препятствием развития Интернета. С другой стороны, развитие Интернета не должно сопровождаться нарушениями ИС. Поэтому высказанная приверженность политике дальнейшего развития Интернета сопровождалась также подтверждением приверженности обеспечению эффективных действий по борьбе с нарушениями прав на интеллектуальную собственность в цифровой среде. Из Довильской декларации явно следует, что государства позиционируют себя преимущественно как стражи интеллектуальной собственности в Интернете в несравненно большей степени, чем поборники свободы выражения. Обращает на себя внимание строгий подход к соблюдению авторских прав: «Мы еще раз подтверждаем нашу приверженность обеспечению эффективных действий по борьбе с нарушениями прав интеллектуальной собственности в сфере цифровых технологий в настоящем и будущем» (п. 15).

Указание на строгий подход не является всего лишь декларацией. Так, в США накоплена значительная практика устойчивого правоприменения, направленная против контрафакта и пиратства. Ее результатом стало закрытие 125 веб-сайтов, приблизительно 25 из которых были причастны к незаконному распространению контента⁴¹. В целом американское законодательство в сфере интеллектуальной собственности, воздвигнутое, как известно, на утилитарном подходе к авторским правам, является основой для самых строгих пресекательных мер для любых нарушений авторских, смежных и патентных прав. В частности, Закон об авторском праве в цифровую эпоху 1998 года (Digital Millennium Copyright Act), разработанный в целях имплементации соглашений ВОИС – Договор об авторском праве (WCT) и Договор о результатах исполнительской деятельности и фонограммах (WPPT) – предполагает усиление ответственности за нарушение авторских прав в Интернете. Помимо этого параграфы 1325 – 1327 Закона предусматривает различные размеры денежных взысканий, которые может

налагать суд при установлении различных нарушений авторских прав в цифровой среде.

Большой резонанс, вплоть до протеста в определенных кругах, в США и за их пределами вызвали два законопроекта 2011 года – SOPA (Stop Online Piracy Act)⁴² и PIPA (Protect Intellectual Property Act)⁴³. К основным целям SOPA, поддержанного значительными организациями, образующих так называемую индустрию контента, относится содействие процветанию, креативности, предпринимательству и инновациям через борьбу с хищениями собственности (имеется виду интеллектуальной – М.Ш.). Основная интенция данного законопроекта – расширение возможностей американских правоохранительных органов и правообладателей в борьбе с нелегальным контентом, в том числе через блокировку сайтов, которые могут быть даже не причастными к распространению нелегального контента. Большой интерес представляет sec. 2 «Defending intellectual property right abroad», где предусматривается комплекс мер, направленных на защиту американской интеллектуальной собственности в цифровой среде во всем мире, что заявлено в качестве составной части американской внешней политики. Законопроект PIPA, к целям которого относится предотвращение реальных сетевых угроз экономическому творческому потенциалу и краже интеллектуальной собственности, также предоставляет правообладателям специальные механизмы для блокирования жульнических сайтов, которые предлагают контрафактные товары и которые, в том числе, зарегистрированы за рубежом (sec. 3 «Enhancing enforcement against rogue websites operated and registered overseas»).

Рассмотрение указанных законопроектов было приостановлено под влиянием акций протеста со стороны крупнейших интернет-компаний, а также по причине возможных посягательств на свободу Интернета, что может проявиться, например, в установлении цензуры и сдерживании инноваций. Не меньшие протесты вызывает лоббируемый США и Японией договор АСТА, предусматривающий детализированные процедуры и суровые меры по борьбе с контрафактной продукцией и интеллектуальным пиратством, в том числе в цифровой среде (Sec. 5 «Enforcement of Intellectual property Rights in the Digital Environment»). Именно они перевешивают обязательства, предусмотренные в par. 2 sec. 5 и глася-

⁴¹ ICE and DHS working for G8 Banksters say copyright offenders get 5 yrs // <http://forum.prisonplanet.com/index.phptopic=209432.0> (дата обращения: 4.04.2012).

⁴² Bill Text 112th Congress (2011-2012). H.R.3261 (Stop Online Piracy Act) // <http://www.gpo.gov/fdsys/BILLS-112hr3261ih/pdf/BILLS-112hr3261ih.pdf> (дата обращения: 6.02.2012).

⁴³ Bill Text 112th Congress (2011-2012). S.968.IS (Protect Intellectual Property Act. May 12, 2011 // <http://www.gpo.gov/fdsys/BILLS-112s968is/pdf/BILLS-112s968is.pdf> (дата обращения: 7.02.2012).

щие о том, что правоприменение в случае нарушений авторских и смежных прав в цифровой среде, связанные с незаконным использованием средств широкого распространения работ в незаконных целях, должно в обязательном порядке оберегать такие фундаментальные принципы, как свободу выражения, честную конкуренцию и прайвеси.

Вполне понятно, что строгие законодательные меры, направленные на защиту интересов правообладателей, имеют целый ряд неоднозначных последствий. К одному из них следует отнести саму возможность ограничения и даже нарушения права на свободу информации и самовыражения. Как отмечается в недавнем докладе ОБСЕ, представленном на саммите в Астане в 2010 году, борьба, которую ведут государства против нелегальной активности в Сети, выражающейся в возросшем пиратстве и массовых нарушениях интеллектуальной собственности в Интернете, оборачивается ограничением доступа к Интернету, признаваемого в качестве международного права человека. Все это негативно влияет на осуществление права на свободу выражения и свободный поток информации⁴⁴. Вопросы соблюдения прав человека в Интернете затрагивались и в другом докладе данной организации⁴⁵.

В том случае, если придерживаться стратегии борьбы за неукоснительное соблюдение авторских прав в Интернете, то международное сотрудничество будет мотивировано именно этим. Это как раз и нашло свое отражение в Довильской Декларации. Бесспорно, международное сотрудничество между государствами и частным сектором различных стран необходимо не только для предупреждения использования информационно-коммуникационных технологий в преступных целях, но и в плане эффективной защиты авторских прав. Однако вряд ли целесообразно сводить все сотрудничество к пресекательным мерам, что не является общей позицией всего Интернет-сообщества.

Как думается, гипертрофический акцент на защите авторских прав в Интернете базируется на обязательствах государств в соответствии с национальным и международным законодательством в сфере интеллектуальной собственности, сформировавшемся в условиях нецифровой среды. Если судить по откликам правообладателей/собственников контента (в основном это представители музыкальной и киноиндустрии), они

с воодушевлением восприняли положения Довильской декларации, касающиеся выражение обязательств государств гарантировать эффективные меры против грубых нарушений прав интеллектуальной собственности в цифровом мире, подчеркивая, что они выступают за развитие законной торговли и отстаивают принцип ответственности потребителей, извлекающих пользу от рынка онлайн⁴⁶.

«Большая восьмерка» высказала обеспокоенность не только соблюдением авторских прав в Интернете, но и соблюдением прав промышленной собственности, т.е. интеллектуальной собственности в целом в цифровой среде. В п. 15 Декларации в отношении защиты интеллектуальной собственности, в частности авторского права, торговых марок, профессиональных секретов и патентов, была признана необходимость принятия национальных законов и выработки соответствующих механизмов, которые способны эффективно обеспечить такую защиту, в тоже время стимулируя развитие интернет-торговли товарами и контентом, которая не нарушала бы прав интеллектуальной собственности. Одновременно с этим была признана необходимость широкого международного сотрудничества по вопросам внедрения правил, регулирующих интеллектуальную собственность, которое бы включало диалог и взаимодействие всех заинтересованных сторон в рамках международного сотрудничества, в том числе с частным сектором.

Таким образом, проблема защиты прав интеллектуальной собственности в Интернете глубоко укоренена в другой проблеме – формировании и реализации баланса прав. Формирование баланса между неукоснительным соблюдением прав интеллектуальной собственности и другими правами, принадлежащих физическим и юридическим лицам и реализуемых посредством использования Интернета, – достаточно сложный процесс. Как думается, формирование такого баланса должно осуществляться на национальном уровне, но при ориентации на международные стандарты. Вполне понятно, что G8 в рамках своей компетенции не вырабатывает такие стандарты. Однако в рассматриваемом документе прослеживается основополагающая идея такого стандарта – идея баланса прав. Вместе с тем с учетом высказанных выше критических замечаний, следует говорить преимущественно об идее дисбаланса, которая достаточно очевидно присутствует в тексте Довильской декларации.

⁴⁴ Freedom of Expression on the Internet. A Study of Legal Provisions and Practices Related to Freedom of Expression, the Free Flow of Information and Media Pluralism on the Internet in OSCE participating States. P. 5 – 6 // <http://www.osce.org/fom/89723> (дата обращения: 6.04.2012).

⁴⁵ Spreading the World on the Internet. Vienna OSCE, 2003.

⁴⁶ Anderson N. G8 Summit: Laws Apply on Internet Just Like «Everywhere Else» // <http://arstechnica.com/tech-policy/news/2011/05/g8-summit-laws-apply-on-internet-just-like-everywhere-else.html> (дата обращения: 10.01.2012).

Казалось бы, «Большая восьмерка» исходит из правильной посылки о том, что необходимо добиваться одновременного осуществления прав, которые в одинаковой степени являются важными, будучи одновременно конкурирующими. Выделим два пункта напряжения. Первый связан с тем, что Интернет – это условие экономического роста и социального развития (п. 4), незаменимый инструмент ведения торговли и совершенствования отношений бизнеса и потребителей, движущая сила развития инноваций и соответственно фактор экономического роста и повышения занятости (п. 6, п. 8). Права интеллектуальной собственности должны стимулировать экономический и инновационный аспект Интернета, но и сам этот аспект не должен нарушать их.

Вторая точка напряженности имеет внеэкономический характер, но связана с экономикой. Речь идет об Интернете как пространстве свободной коммуникации и свободного самовыражения, так или иначе связанного с экономическим аспектом. Как следует из п. 5, Интернет является для граждан уникальным информационным и образовательным ресурсом (своего рода жизненным пространством – М.Ш.). Вполне очевидно, что права интеллектуальной собственности не должны быть препятствием для реализации политических, культурных, информационных прав.

В этом контексте достаточно интересен начальный пассаж п. 11, где два аспекта Интернета (экономический и внеэкономический) связаны воедино: «Интернет стал общественной ареной нашего времени, рычагом экономического развития и инструментом достижения политической свободы и эмансипации». Однако, как видится, интересы экономического порядка все же оказываются преобладающими. Так, в п. 11 говорится уже не о вкладе Интернета в экономический рост и инновационное развитие, а о глобальной цифровой экономике как мощном факторе и локомотиве роста и инноваций. Для того чтобы получить отдачу от цифровой экономики предусматривается использование технологий «облачных» вычислений, социальных сетей и публикаций информации гражданами, которые способствуют социальному росту, инновациям, инновационным интернет-услугам. Таким образом, здесь нашло свое отражение широкое понимание инновационного процесса и инновационной среды, развитие которой порождает целую серию вызовов, связанных с обеспечением совместимости и конвергенции политики государств «Большой восьмерки» в сфере защиты личных данных, нейтральность сетей, трансграничном перемещении данных, безопасность информационно-коммуникационных технологий, и наконец, охраны и защиты интеллектуальной собственности.

Для решения этих проблем и обеспечения реализации функционального предназначения Интернета необходимы согласованные действия всех акторов, имеющих отношение к Интернету. Большую роль в претворении баланса призвана играть политика, проводимая государствами, в том числе по утверждению права интеллектуальной собственности как фактора прогресса, а не как фактора сдерживания развития цифровой среды в направлении превращения в пространство полного и эффективного осуществления всех международно признанных прав и свобод человека.

4. E-G8 – новая инициатива в формате новых проблем. Не менее, а быть может более важным событием, связанным с обращением G8 к вопросам регулирования и защиты прав интеллектуальной собственности в Интернете, стало проведение интернет-форума «Группы восьми» (e-G8), который состоялся 24 – 25 мая 2011 г. в Париже накануне заседания G8 с подачи президента Франции Н. Саркози. Именно благодаря такому началу G8 стал позиционировать как один из универсальных форумов по вопросам регулирования и управления Интернетом. Президент Франции с пристрастием относится к Интернету. Являясь его активным пользователем, он на себе испытал его ловушки и однажды стал жертвой кибератак.

Организация подобного форума была не случайной. Изначально на саммите G8 впервые в число приоритетных было решено включить вопросы информационных технологий и инноваций в этой сфере, развитие Интернета, обеспечения кибербезопасности и соблюдение прав интеллектуальной собственности. Цифровая среда и сопутствующие ей проблемы стали достаточно весомыми, чтобы руководство крупнейших держав не обратило на них внимание. Созыв e-G8 был своего рода инициативой по выявлению общей проблематики и «зондированием» возможности согласованных путей решений сложных вопросов. Выступая на форуме Н. Саркози, отметил роль Интернета в изменениях, происходящих в мире, и высказал позицию, в соответствии с которой государства должны «более активно участвовать в регулировании сетевой безопасности».

По замыслу Н. Саркози, e-G8 должен предложить базовый набор правил для управления Интернетом, которые станут общей позицией правительств G8. С другой стороны, весьма заметна попытка французского президента позиционировать свою позицию в отношении управления Интернетом в качестве единственно верной, которую с «радостью» должны были бы воспринять не только государства G8, но и государства G20 и все остальные государства, являющиеся членами ООН. Вместе с тем данная позиция, несмотря на всю ее

обоснованность, оказалась неспособной стать основой презюмируемого консенсуса.

Инициатива президента Франции заключалась в том, чтобы при опоре на рекомендации e-G8 превратить Интернет в центральную тему саммита Большой восьмерки. Н. Саркози с большим пристрастием относится к Интернету, считая необходимым его четкое регулирование с тем, чтобы цивилизовать Интернет, который он любит называть «Диким Западом», находящимся по ту сторону закона, при одновременном признании того, что Интернет не принадлежит государству. С его точки зрения, не имеющая границ форма цивилизации, которой является Интернет, угрожает самим основам демократического общества. Для цивилизованного Интернета, по его мнению, характерна высокая степень защиты интеллектуальной собственности.

Поскольку речь сегодня идет о формировании демократического информационного общества, то обсуждение проблем развития Интернета не может не иметь многостороннего характера. В частности, e-G8 был проведен с участием широкого круга заинтересованных сторон, непосредственно связанных с развитием контента и Интернет-экономики. Как отметил в своей вступительной речи на форуме его председатель – Maurice Lévy, в нашей аудитории представлены все компоненты цифровой экосистемы, что без преувеличения делает этот Форум подлинно историческим⁴⁷. Это объясняется тем, что с проблемами развития Интернета сталкиваются граждане, публичные власти, бизнес. Как было в дальнейшем отмечено в п. 21 Довильской декларации, свободная дискуссия в рамках e-G8 должна рассматриваться как существенный вклад в работу аналогичных форумов, на которых рассматриваются существующие и вновь возникающие проблемы, такие как влияние Интернета на современное общество и развитие экономики, будущее глобальной сети, и, что касается предмета нашей статьи, – вопросы интеллектуальной собственности и распространения информации в сети Интернет.

На e-G8 присутствовало около 1000 участников, имеющих самое непосредственное отношение к развитию и функционированию Интернета. На форуме были широко представлены крупнейшие игроки Интернет-сектора (Facebook, Google, Alcatel-Lucent, News Corporation, Amazon, Apple, Orange/France Telecom)⁴⁸. Как следует

из распространенного пресс-релиза, члены делегаций были единодушны в признании того, что Интернет является мощным вектором индивидуального развития, свободы выражения и личностного развития. Более того Интернет будучи коллективным инструментом, был рассмотрен как позитивная сила для изменений, способности обновления направлений, в рамках которой группы и организации сотрудничают и действуют. Также еще раз была признана роль Интернета в качестве экономического локомотива, создающего благосостояние и занятость⁴⁹.

В число экономических вопросов входила проблематика распределения прибыли между интернет-компаниями и операторами телекоммуникационных сетей, об оплате труда производителей интернет-контента. Достаточно интересной была мысль гарвардского профессора Л. Лессига, основателя Creative Commons, о том, что первое, о чем должны думать создатели Интернета – это социальные потребности, а не потребности бизнеса.

В качестве одного из заметных моментов дискуссии был вопрос об авторских правах в Интернете. В рамках форума заседала специальная секция «Интеллектуальная собственность и экономика культуры в цифровую эпоху», на которой выступили министр культуры Франции Ф. Миттеран, П. Барлоу (Electronic Frontier Foundation/EFF), а также представители традиционных медиа-компаний, таких как 20th Century Fox, Universal Music France. Во многом обсуждение данных вопросов не случайно, ибо по экспертным оценкам 23,76% трафика является нелегальным⁵⁰. Немаловажным аспектом проблемы соблюдения прав интеллектуальной собственности в интернет-среде является то, что это не только сфера нарушения авторских и смежных прав, но и прав на программное обеспечение⁵¹. Здесь возникает аналогичная проблема копирования программ и их нелегальными заимствованиями для создания собственных программ. В итоге в цифровой среде присутствует противоречие между производителями/создателями программного обеспечения и их пользователями. Казалось бы, что свобода Интернета должна была бы сопровождаться свободным движением программного обеспечения. Однако действующее авторское прав предусматривает

⁴⁷ Maurice Lévy Speech Opening the du e-G8 Tuesday May 24, 2011 // <http://www.e-G8forum.com> (дата обращения: 15.01.2012 г.).

⁴⁸ Paris Will Host the First e-G8 Forum Prior to the G8 Summit, Paris, May 17th, 2011 // <http://www.e-G8forum.com> (дата обращения: 24.02.2012).

⁴⁹ Press release, May 30th 2011, Paris // <http://www.e-G8forum.com> (дата обращения: 11.03.2012).

⁵⁰ Envisional Technical Report: An Estimate of Infringing Use of the Internet, January 2011 (was commissioned by NBCUniversal Media LLC) // http://documents.envisional.com/docs/Envisional-Internet_Usage-Jan2011.pdf (дата обращения: 4.04.2012).

⁵¹ Zittrain J. The Future of the Internet and How to Stop It. New Haven, London: Yale University Press, 2009. P. 189.

ответственность тех лиц, которые используют его нелегальным образом.

Компании, имеющие непосредственно отношение к производству контента, в силу своих экономических интересов еще раз подчеркнули необходимость осуществления со стороны государств более строгого контроля за потоками информации в Интернете и соблюдением авторских прав. К активной борьбе с пиратством призвали издательско-полиграфический концерн Bertelsmann и голливудская студия 20th Century Fox. Так, по мнению главы концерна Bertelsmann Хармута Островски, необходимо усиление правовых механизмов в области защиты авторских прав. «Интернет открыл многочисленные коммерческие возможности и продолжает развиваться. К сожалению, это в свою очередь открыло двери для беспрецедентного числа разного рода нарушений. Мы должны осознать важность авторских прав в цифровую эру и развивать стандарты международного сотрудничества для борьбы с пиратством»⁵². В выступлении представителя студии 20th Century Fox Дж. Джинопулоса прозвучало одобрение французского закона о защите авторских прав в Интернете в связи с тем, что по общей оценке 25% контента передается нелегально. Конечно, в стремлении подчеркнуть значимость защиты авторских прав прослеживается не только забота об авторах, но и о доходах компаний. Однако, как представляется, подход данных компаний к Интернету достаточно меркантилен, ибо сеть рассматривается не как сектор общественной жизни, а как средство, позволяющее увеличить объемы продаж.

Собственную позицию по этому вопросу высказали и интернет-компании. При этом необходимо подчеркнуть, что большая их часть базируется в США, причем Франция представлена незначительным числом таких компаний. В частности, глава Google Э. Шмидт заявил, что правительства не должны стремиться регулировать вопросы, связанные, например, с пиратством и авторскими правами, ибо технологические изменения достаточно быстрые и будут сами решать эти проблемы⁵³. С его стороны прозвучала достаточно интересная реплика о том, что вначале казалось, что нам необходимо регуляторное решение проблем Интернета, однако разве не существует технологических решений, которые могут оценивать, могут работать глобально и двигаться быстро. По его мнению, интернет-компании движутся

быстро, чем какое либо из правительств. В сущности это выражает один из аргументов против жесткого контроля информационных потоков в Интернете, что несовместимо с продвинутой сущностью (forward thrust) технологий. В сущности, как нам представляется, все сказанное является манифестацией так называемой «доктрины Google», в соответствии с которой технологии общения в Интернете способны динамичным образом менять жизнь, в том числе политическую сферу⁵⁴.

Означает ли это, что интернет-компании стремятся вообще отказаться от какого либо воздействия государства на развитие и функционирование Интернета? С точки зрения интернет-компаний роль государства заключается не в регулировании контента, а в том, чтобы обеспечить доступ граждан к Интернету. Не следует думать, что интернет-компании высказываются против регулирования как такового – они высказываются против жесткого регулирования со стороны правительства, стремясь, в том числе, показать возможность технических мер, которые предотвращали бы нарушение авторских прав в сети. Интернет-компании не являются оппонентами права интеллектуальной собственности. Они настаивают на возможностях технических мер по предотвращению нарушений прав интеллектуальной собственности, которые сделали бы излишними своего рода «карательные меры» по отслеживанию случаев нарушений авторских прав в сети с последующей процедурой наложения санкций (что ввиду массового характера нарушений в принципе невозможно). Речь идет о развитии более привлекательных сервисов, которые могли бы стать альтернативой пиратским практикам. В качестве примера может выступить система идентификации контента Content ID на принадлежащем Google видеосервисе YouTube, позволяющая правообладателям контролировать незаконно загружаемый контент и зарабатывать на рекламе.

Следует согласиться с тем, что не следует уменьшать (но, соответственно, и преувеличивать) роль технологий в достижении баланса между интересами правообладателей и общественности/пользователей. Вместе с тем использование технических средств защиты и предложение новых сервисов все равно, так или иначе, подлежит правовой регламентации.

В целом интернет-компании предпринимают инновационные усилия по развитию сети и ее наполнению. Их позиции по отношению к защите авторских прав являются достаточно заметными. Могут ли Интернет-компании оспорить значимость авторского права? Как показывает анализ их позиций, интернет-компании не

⁵² Участники e-G8 поспорили на тему авторских прав // <http://digit.ru/state/20110525/382166957.html> (дата обращения: 17.02.2012).

⁵³ Google's Eric Schmidt clashes with Nicolas Sarkozy at G8 // www.telegraf.co.uk/finance/newbysector/mediatechnologyandtelcoms/digital-media/8534049/Googles-Eric-Schmidt-clashes-with-Nicolas-Sarkozy-at-eG8.html (дата обращения: 3.04.2012).

⁵⁴ Morozov E. The Net Delusion: The Dark Side of Internet Freedom. N.Y.: Public Affairs, 2011. P. 5 – 6.

являются ни яростными сторонниками ее неукоснительной защиты, ни яростными ее противниками.

На форуме прозвучали и мотивы, разделяемые т.н. пиратскими партиями. Был поставлен вопрос о том, а не является ли контроль за интеллектуальной собственностью и потоками информации явлением одного и того же ряда, что и контроль за свободой выражения? Контроль способен привести к ограничению права на распространение и права на доступ к информации, что может быть расценено как нарушение права человека на свободный доступ к информации.

Действительно, принцип контроля Интернета, находящий своих сторонников в лице правительств, коррелирует контроль за потоками объектов интеллектуальной собственности. Более того, последний является инструментом первого. К этому же выводу приходят и известные эксперты в области Интернета. Как полагает М. Mueller, права интеллектуальной собственности имеют большое значение в принятии решений за контролем над ресурсами и позволяют регулировать поведение⁵⁵.

Это обстоятельство не может радовать сторонников абсолютной свободы Интернета. С их точки зрения все это вряд ли соответствует самой природе Интернета, заключающейся в целом ряде принципов, одним из которых является принцип свободы и главным образом – свободы выражения. Интернет предоставляет человеку различные формы самовыражения, где бы он не находился, а также представляется доступ к информации. Как верно отметил Дж Барлоу, контроль за интеллектуальной собственностью может привести к контролю над всеми формами самовыражения, что будет представлять собой нарушение прав человека на свободный доступ к информации.

Однако принцип свободы не следует трактовать как отсутствие всякого регулирования авторских прав в Интернете. Поэтому совершенно верно, что Интернет-среда требует развития авторского права в перспективе его согласование с правом на передачу и распространение, а также получение информации. Тем не менее, несмотря на попытки выработать предложения для G8, интернет-форум показал наличие расхождений в позициях государственных структур, производителей контента и поставщиками услуг.

Помимо соблюдения прав интеллектуальной собственности контроль за Интернетом имеет и политический аспект, представленный контролем за потоками информации. Последний подчас рассматривается как необходимая часть регулирования Интернета. Известно, что опасность для свободы и транспарентности Сети

исходит не только от чрезмерной активности по защите интеллектуальной собственности, но и от подчас имеющего место в некоторых странах чрезмерного контроля над потоками информации в киберпространстве, что является острой проблемой.

Это один из достаточно сложных вопросов управления Интернетом. Газета «Wall Street Journal» опубликовала 19 ноября 2011 года более 200 документов о глобальном рынке слежки за Интернетом и сотовой связью. Речь идет о технических средствах сбора информации об интернет-коммуникациях граждан, таких как средства взлома мобильных устройств и пользовательских компьютеров⁵⁶. До 2001 года американская полиция и спецслужбы использовали собственные средства. За последние 10 лет рынок в этой сфере вырос до 5 млрд. долларов в год. В данную деятельность вовлечены 36 компаний, не только американских, но и зарубежных компаний. Одним из способов добывания информации является «исследование незакрытых уязвимостей» в мобильных устройствах компаний Apple, Microsoft, Google. Перехват интернет-сообщений оппозиции в Skype использовали египетские власти. Разработчиком этого приложения была британская фирма Gamma International. Полиция и спецслужбы также используют вирусы, которые иногда обладают избыточной функциональностью, что в целом не соответствует закону. В целом подобные программы – продукт, который могут покупать как власти, так и спецслужбы.

В Интернете нет цензуры, но в ряде стран в случае неблагонадежности возможно отключение от Интернета. Тем не менее, государства проявляют некоторую обеспокоенность потоками информации, которые могут привести к событиям «арабской весны». Это стало возможным благодаря тому, что Интернет стал посредником в выражении отношения к существующей власти, чего никогда не был до этого. С одной стороны, можно приветствовать инспирированность подготовки революционных событий онлайн-коммуникациями в других странах, но при этом настороженно относится к подобному сценарию в своей стране. Так, Н. Саркози, приветствуя важность Интернета в развертывании арабской весны 2011 года, позиционировал себя как сторонника двойных стандартов.

Еще одним вопросом, подлежавшего обсуждению в Париже на саммите e-G8, была проблема сбора и использования интернет-компаниями персональных данных пользователей. Было высказано мнение о том, что интернет-компании должны запрашивать у поль-

⁵⁵ Mueller M.L. Ruling the Root: Internet Governance and the Taming of Cyberspace. Cambridge, MA: MIT Press, 2002. P. 42.

⁵⁶ Пресса узнала о глобальном рынке слежки за интернетом // http://www.tssonline.ru/newstext.php?news_id=81769 (дата обращения: 18.04.2012).

завателей разрешение на сбор данных, прежде чем направлять пользователям свою рекламу. С точки зрения вице-президента рекламной организации IAB Europe С. Хабарса, данный подход может и должен стать общим для европейских государств, законодательство которых в данной области далеко от единообразия. Тем не менее, данная проблема уже находилась в поле внимания Европейской Комиссии, которой было принято решение о том, что европейские интернет-компании, которые негласно отслеживают действия посетителей своих сайтов, могут подвергнуться штрафу примерно на 565 000 евро. Помимо этого к ним может быть применена процедура повторного аудита.

Согласованные основные правила работы интернет-компаний с персональными данными пользователей нашли отражение в Директиве ЕС, вступившей в силу 25 мая 2011 года, затрагивающей вопросы соблюдения приватности и защиты персональных данных в Интернете (Cookie Directive)⁵⁷. В соответствии с положениями п. 33, 61 – 65 Директивы интернет-компания должна уведомить пользователей о правах при использовании их персональных данных в каталогах, а также о том, что отношения с ними будут применяться технологии, отслеживающие их действия на сайте.

В том случае, если вмешательство в циркулирующую информацию в сети будет преследовать не только цели обеспечения, в частности, государственной безопасности, но и цели отслеживания фактов нарушения интеллектуальной собственности, то парадигма регулирования Интернета, признающая подобный подход, будет противоречить принципу свободы Интернета. Это является основой для конфликта между правами человека, реализуемыми в Интернете, и правами интеллектуальной собственности.

Дело в том, что свободное функционирование Интернета предполагает значительный элемент доверия и саморегулирования. Поэтому регулирование интеллектуальной собственности в Интернете и обеспечение защиты прав интеллектуальной собственности как элемента регулирования и управления Интернетом – достаточно тонкий и деликатный вопрос, предполагающий гибкую осмотрительность в отношении соблюдения других прав. Безопасность интеллектуальной собственности должна коррелировать безопасности других прав и подобным образом соотноситься с общей безопасностью сетей.

⁵⁷ Directive 2009/136/EC of European Parliament and of the Council of 25 November 2009 // <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2009:337:0011:01:en:HTML> (дата обращения: 2.03.2012).

Несмотря на то, что участники различных круглых столов в рамках форума e-G8 исходили из общего видения роли Интернета в современном обществе – его воздействие на экономический рост и развитие общества, на решение социально-экономических и культурных вопросов, в целом на e-G8 так и не была озвучена, как бы то хотелось Н. Саркози, общая (консенсусная) позиция. По замыслу его организаторов представительное собрание Интернет-элиты должно было выработать некую общую платформу для обсуждения вопросов развития и управления Интернетом на саммите G8 при общем акцентировании необходимости более эффективной защиты авторских прав. Но нельзя при этом сказать, что участники форума в целом пренебрегли этой защитой. Весь вопрос в акцентах. Однако, несмотря на то, что не удалось выработать общей позиции, был разработан и представлен перечень рекомендаций, акценты которых не совпадают с акцентами, являющимися приоритетными для Довильской декларации.

Как следует из рабочего документа, для участников Форума более важным стало отстаивание свободы выражения и информации в Интернете. Как следует из итоговых документов, абсолютная защита свободы выражения в онлайн-режиме является более важной, чем регулирование Интернета и защита авторского права⁵⁸. Тем не менее, была поддержана идея реформирования модели авторского права применительно к Интернету через разработку и применение новых бизнес-моделей в целях реализации экономических интересов правообладателей и одновременно для реализации новых интересов потребителей в условиях быстрых технологических изменений, а также через гармонизацию правил электронной торговли⁵⁹.

На этом фоне Довильская декларация выглядит достаточно консервативно, поскольку, как уже отмечалось, в ней акцент был поставлен на усилении защиты авторских прав в Интернете, но без формулировки новых подходов. Обнаружившиеся противоречия не позволили подготовить единого заявления, обращенного к лидерам G8. Итогом стал список рекомендаций, который не был оглашен на заключительном заседании e-G8 и далее дорабатывался по пути в Довиль группой делегатов саммита, которая представила его лидерам G8. Делегация Форума (М. Цукерберг/Facebook, Э. Шмидт/Google, Х. Микитани/Rakuten, С. Ришар/Orange-France Telecom,

⁵⁸ E-G8 Forum Summary (Paris, May 24 – 25, 2011). Workshops I Session 3: Electronic Tools for Freedom // <http://www.eg8forum.com> (дата обращения: 18.03.2012).

⁵⁹ E-G8 Forum Summary (Paris, May 24 – 25, 2011). Workshops I Session 2: King Content Entertainment in the Digital Age // <http://www.eg8forum.com> (дата обращения: 18.03.2012).

Ю. Мильнер/Digital Sky Technologies) выступила перед лидерами Большой восьмерки и донесла им свое видение решения накопившихся проблем в цифровой среде.

5. Государство и Интернет: довильский контекст. Важнейшим элементом дискуссий относительно регулирования и управления Интернетом является имеющая серьезные последствия проблема взаимодействия государства и Интернета, которая также была затронута в ходе мероприятий, связанных с Довильским саммитом. В Довильской декларации были продекларированы принципы децентрализации (multi-stakeholder) как основа управления сетью. В п. 20 Декларации высказана поддержка модели управления Интернетом, предполагающая участие широкого заинтересованных сторон. Если прокомментировать последующие положения данного пункта, то станет ясно, что данная модель управления призвана соответствовать высоким темпам развития в целях расширения применения технологий и (новых – М.Ш.) методов ведения бизнеса. Характерно, что в многосторонней модели управления государство не только не отступает на второй план, но напротив, призвано играть ключевую роль.

Таким образом, принцип децентрализации означает многосторонний характер управления Интернетом. Как отмечалось в п. 48 Декларации принципов Женевского этапа ВВУИО, управление Интернетом необходимо осуществлять на международном уровне на многосторонней, прозрачной и демократической основе при полномасштабном участии органов государственного управления, частного сектора, гражданского общества и международных организаций. Данные выводы были подтверждены и детализированы в пп. 29 – 82 «Управление использованием Интернетом» Повестки для информационного общества Тунисского этапа ВВУИО 2005 года, в которой была акцентирована необходимость ориентации использования Интернета на благо всех, законность его использования и открытость для всех⁶⁰.

Действительно, Сеть – совершенно не та среда, которая может и должна быть полностью подчинена традиционному контролю со стороны государств и исходящим от государств юридическим нормам. В настоящее время активным образом происходит формирование транснациональной системы управления использованием Интернетом, воплощающей теорию сетевого управления. Доказательством феномена децентрализации власти в информационном обществе выступает обстоятельство, что вопросы применения информационных технологий находятся в руках Интернет-компаний. Принцип многосторонности управления, закрепленный

в Декларации принципов 2003 года ВВУИО, который, по мнению некоторых экспертов, все же является государственно-центричным, т.е. акцентированным на роли правительств, большое звучание приобрел Форум по управлению Интернетом. Он стал площадкой для обсуждения самых разных аспектов функционирования Интернета – безопасности, устойчивости, стабильности – на основе вовлечения групп гражданского общества и частного сектора в направлении формирования всестороннего участия (multistakeholder participation).

Становление институтов управления сетью является контекстом, в котором в очевидной форме обостряется проблема соотношения государства и Интернета. Одно из полей напряжения – это напряжение между государственным суверенитетом, имеющим территориальный характер, и сетями, не имеющими территориальной локализованности. Последнее обстоятельство в определенном смысле обращает Интернет против государства⁶¹.

Вместе с тем следует фиксировать две противоборствующие тенденции – усиление контроля за Интернетом со стороны государств и объективной тенденций ослабления такого контроля ввиду усиления влияния и функциональной значимости транснациональных институтов управления (например, Международного союза электросвязи). В этих условиях говорить о некой традиционной роли государств в сфере Интернета не приходится, поскольку последняя, будучи важной технологической и информационной системой, заявила о себе буквально недавно – начиная с середины 90-х гг. XX века. Государства находятся в процессе адаптации к ней и накопили незначительный опыт.

Известно, что глобализация современного мира принесла немало проблем для существования государства и его институтов. Государство оказалось в чем то проблематизированным в условиях глобальной транграничности. Интернет во многом стал позиционировать себя в качестве пространства, ускользающего из государственных объятий. Глобальная природа Интернета, заключающаяся в децентрализованной сущности, делает его экстрагосударственным пространством свободного перемещения информации. Поэтому Н. Саркози во многом был прав, когда назвал это пространство параллельной вселенной (параллельным универсумом). Несмотря на эту параллельность, Интернет является двигателем развития различных секторов общества.

Как представляется, рассмотрение соотношения государства и Интернета предполагает использование двух близких понятий – суверенитет государства и государственного суверенитета. В первом случае речь

⁶⁰ Second Phase of the WSIS (16 – 18 Nov. 2005, Tunis). Tunis Agenda for the Information Society. WSIS-05/Tunis/Doc/6/rev.1.

⁶¹ Mueller M.L. Network and States: The Global Politics of Internet Governance. Cambridge, MA: The MIT Press, 2010. P. 1 – 5.

идет о суверенном характере государства как политико-правового института, т.е. о суверенном политико-правовом институте, обладающем суверенными правами и обязанностями. Во втором – о суверенитете государства в международно-политическом и правовом аспекте. В подтверждении этого вывода сошлемся на подп. а) п. 49 Декларации принципов Женевского этапа ВВУИО, где говорится о том, что политические полномочия по связанным с Интернетом вопросам государственной политики являются суверенным правом государств. Помимо этого государства имеют права и обязанности в отношении связанных с Интернетом вопросов государственной политики международного уровня. Аналогичный подход был проведен и в документах Тунисского этапа ВВУИО.

К одной из наиболее интересных дискуссий, на наш взгляд, можно отнести обсуждение вопроса о перспективах суверенитета государства как политико-правового института в условиях усиления Интернета как интенсивно глобализирующейся киберсреды. Впечатляющие успехи сетевых взаимодействий подняли волну техноутопизма, в рамках которого делаются заявления о том, что технологические изменения требуют «смерти» государств и их регулятивной функции. В данном случае о перспективах развития суверенитета государств просто не упоминается ввиду якобы печальной судьбы самого государства.

Наиболее радикальные взгляды принадлежат Барлоу, который полагает необходимым полностью эансипировать Интернет от государства. В самом начале декларации известный интернет-деятель подчеркивает, что глобальная Сеть – новый дом для человеческого духа. Далее он призывает правительства покинуть нас (т.е. жителей этого дома – М.Ш.), ибо их нет среди приглашенных. «Вашего суверенитета нет там, где мы собрались»⁶². Ввиду яркости призывов Барлоу к отстаиванию свободы Интернета (свобода от правительственного вмешательства для свободы коммуникации) они послужили для некоторых серьезных исследователей толчком для обсуждения проблемы соотношения Сети и государства.

Как подчеркивают J. Goldsmith и T. Wu, позиция Барлоу отражает то обстоятельство, что кибер-пространство действительно бросает вызов власти национальных государств и движет мир к новой пост-территориальной системе. Вместе с тем, «сегодня понятие саморегулирования киберпространства широко дискредитировано. Но историческое значение этих идей не

может быть проигнорировано...»⁶³. На Интернет, продолжают они, оказывают влияние писатели, мыслители, Верховный суд (Верховный Суд США – М.Ш.) и т.д. Однако идея независимости и суверенитета Интернета, за основание которой, казалось бы, можно принять Первую поправку к Конституции США, гарантирующую свободу выражения, а также ограничивающую способность правительства регулировать свободу выражения мнения и коммуникационные сети, подобные Интернету, все же не снимет вопроса о том, какова должна быть мера регулирования кибер-пространства и как распространить власть и регулирование из реального мира в мир виртуальный. Одновременно это означает, что обсуждение вопросов о достоинстве и недостатках контроля правительств над Интернетом⁶⁴ не означает отрицание самой идеи контроля.

Значительное число представителей юридической науки полагают, что в условиях фундаментальных технологических сдвигов, одним из симптомов которых оказалось бурное развитие Интернета, необходимо не отказываться от государства и его атрибутивного признака – суверенитета, а идти по пути формирования новой версии суверенитета государств. Фундаментальной основой этих исследований становится анализ легитимности регулирования Интернета в свете современных концепций суверенитета государства⁶⁵. Таким образом, как нам представляется, возникновение и развитие Интернета как технологической, коммуникационной и информационной среды является импульсом для теоретической и практической конфигурации суверенитета государства как традиционного политико-правового института.

Как отмечает J. Trachtman, развитие Интернета не будет разрушать государства, однако оно может не только содействовать его усилению, но и способствовать ее подрыву⁶⁶. Однако среди противников имеющей романтический характер идеи иммунитета киберпространства от государственного суверенитета встречаются авторы, не считающие нужным модернизировать концепцию суверенитета государств. Так, L. Franzese придерживается взгляда о переходе суверенитета из привычной реальности в реальность виртуальную, обосновывает в вполне традиционном ключе необходимость сохранения

⁶² Barlow J.P. A Cyberspace Independence Declaration // http://www.eff.org/Censorship/Internet_censorship_bills/barlow_0296.declaration (Febr 9, 1996) (дата обращения: 17.03.2012).

⁶³ Goldsmith J., Wu T. Who Controls the Internet? Illusions of a Borderless World. Oxford, N.Y.: Oxford University Press, 2006. P. 14.

⁶⁴ Ibid., P. 126 – 146.

⁶⁵ Lessing L., Slaugggghter A.-M., Zittrain J. Cyberspace Regulation and the Discourse of State Sovereignty // Harvard Law Review. Vol. 112. No 7. May 1999. P. 1681.

⁶⁶ Trachtman J.P. Cyberspace, Sovereignty, Jurisdiction, and Modernism // Indiana Journal of Global Legal Studies. 1998. Vol. 5. Issue 2. P. 580.

и распространения суверенитета на киберпространство, особенно в условиях участвовавших кибер-атак⁶⁷. Вместе с тем заслуживает внимание аналогии между суверенитетом государств киберпространстве, имеющим транснациональный характер с моделью суверенитета в морском, воздушном и космическом пространстве. Никто также не будет спорить с тем, что государство является элементом глобального управления Интернетом, который нуждается в стабильности и регуляции, в том числе обеспечиваемых на основе суверенитета государств.

Интернет является такой средой, в которой какие-либо барьеры и ограничения начинают контрастировать с его сущностью, наиболее ярко представленной одним из его принципов – свободой Интернета. Известно, что свободу всегда надо отстаивать, но и одновременно оформлять правовым образом через механизмы регулирования и саморегулирования. Интернет – такая среда, которая не приемлет управления извне. Однако это не означает, что онлайн-процессы полностью хаотичны. Все дело в том, что онлайн-процессы имеют характер самоорганизации через внутреннее управление.

Наконец, мы приходим к очень важному рубежу – имеет ли какое-либо значение для Интернета государство, которое всегда ассоциируется с понятием регулирования? Несет ли государство ответственность за те процессы, которые происходят в интернет-пространстве? Или же Интернет настолько мобильная среда, что ее регулирование не просто отстает, но в принципе невозможно? Если исходит из того, что пользователи Интернета являются гражданами, или жителями Интернета как глобального сообщества, то государство в принципе должно придерживаться принципа нейтралитета.

Как представляется на первый взгляд, Интернет не совместим с вмешательством со стороны государства, поскольку такое вмешательство представляется собой вмешательство в осуществление целого ряда фундаментальных прав. Однако может ли государство вообще вмешиваться в свободный Интернет? По всей видимости, если вмешательство является признаком деспотического государства, далекого от демократии, то нельзя также сказать о том, что государство, которое претендует на современность и демократичность должно вообще не быть обеспокоенным процессами, которые происходят в Интернете. Ибо в Интернете возможны не только ограничения, но даже практики уничтожения прав человека. Поэтому государство в силу своих гуманитарных

функций не может оставаться в стороне и не выражать определенную обеспокоенность.

К построению архитектуры Интернета и системы его управления, затрагивающей такие аспекты, как сетевые свободы, регулирование и безопасность, следует подходить очень осторожно, так как ослабление их сетевой природы угрожает способности Интернета реализовывать его социальный, политический и культурный потенциал, не говоря уже о его потенциале в сфере инноваций. В том случае, как считает Schewick B. van, если за регулирование Интернета будут отвечать только провайдеры, то это не будет полностью соответствовать функционированию сети в общих интересах. Поэтому это обосновывает вмешательство правительств в регулирование Интернета с целью защиты, сохранения социальных выгод, но это вмешательство должно учитывать дизайн Интернета⁶⁸.

Процессы, в которых участвуют жители/граждане Интернета затрагивают их права, свободы, законные интересы, а также интересы общественной и государственной безопасности. У государства пока что никто не изымал обязанности не только по уважению, но и обеспечению и защите прав и свобод человека, большая группа которых реализуется в интернете и через Интернет. Конечно, если говорить о регулировании Интернета, то оно неспособно идти в ногу с инноваторами. Но это ни в коей мере не означает, что правительства не должны поощрять законы, принимающие во внимание достижения технологических инноваций. И как бы руководители Google или Facebook не говорили о том, что государственно-управленческие решения обречены на то, чтобы отставать от технологически инноваций, которые способны якобы решить все проблемы, пространство Интернета не может быть полностью свободным от вмешательства государства и связанного с ним правового регулирования в принципе. Хотя нельзя не согласиться с мыслью Э. Шмидта о том, что технологии развиваются чрезвычайно быстро и поэтому следует со всей осторожностью принимать законы раньше того, как появиться возможность осознать их последствия.

Именно этот тезис и стал платформой для призывов со стороны крупнейших интернет-компаний к правительствам не ужесточать законы в сфере Интернета и оставить место для саморегулирования. В итоге это может быть расценено как оппозиция рассмотрению Интернета как территории, на которую распространяется строгое государственное регулирование, представленное законодательными актами.

⁶⁷ Franzese L.C. Sovereignty in Cyberspace: Can It Exist? // The Air Force Law Review. 2009. Vol. 64. P. 12 – 14.

⁶⁸ Schewick B. van Internet Architecture and Innovation. Cambridge, MA: MIT Press, 2010. P. 10.

Как думается, большую роль в регулировании вполне могут играть другие формы права, в формировании которых принимает участие само интернет-сообщество как модификация гражданского общества и важнейшая форма транснационального гражданского общества. Однако саморегулирование, на наш взгляд, должно сочетаться с некоторым регулированием в традиционном смысле слова.

Прежде всего, имеет значение цель вмешательства, его характер и пределы. Принципы господства права, демократии и прав человека в своей сущности становятся основанием правового характера вмешательства государства в виде законодательного регулирования сети. Действительно, в этом случае должна действовать максима «не навреди». Однако само содержание правового воздействия и регулирования Интернета должно формироваться на либеративной (совещательной) основе. Развитие и функционирование Интернета предполагает повышение ответственности не только государств, но и интернет-компаний, а также индивидов.

Интернет по своему содержанию является комплексным феноменом. Это и технические устройства, оборудование, бурно развивающиеся технологии, но и потоки информации и самовыражения. Интернет нельзя регулировать просто как технологический сегмент. Регулирование Интернета представляет собой комплексное явление. На наш взгляд, настала пора продумать систему основополагающих принципов регулирования и саморегулирования Интернета.

Если взять технологическую сторону Интернета, то вряд ли она должна выходить за пределы государственного воздействия. Дело в том, что в условиях современного НТП повышается значение функции государства по регулированию и координации технологического и инновационного развития. Интернет – это среда, созданная современными технологиями. Ее развитие и функционирование, помимо технологических, создает и нетехнологические проблемы, которые вряд ли могут быть решаемы только технологическими способами. Поэтому вызывает критические замечания реплика Э. Шмидта о том, что «мы движемся более быстро, чем какое-либо правительство, не говоря обо всех правительствах»⁶⁹. Технологии, продолжал он, развиваются столь стремительно и поэтому правительствам не стоит пытаться их отрегулировать. В данном высказывании проявляется неотехнократизм, заключающийся в тезисе о том, что любая возникающая проблема будет решена технологическим же путем.

Действительно, новые технологии, развитие которых приводит к целому ряду экстратехнологических проблем, способны предложить технологическое решение последних. Достаточно привести пример с тем, что в последнее время в условиях цифровой среды повышается частота нарушений прав интеллектуальной собственности, в связи с этим активно разрабатываются технические средства защиты. Однако использование и применение технических средств защиты также предполагает соответствующие правовые механизмы. Современные технологии не могут разорвать свою связь с правом, равно, как и моралью и стать эстраправовыми и экстраморальными феноменами.

В чем можно согласиться с Э. Шмидтом, так это в том, что развитие интернет-технологий привело к «сдвигу власти». Напомним, что тема децентрации власти активно развивалась в свое время М. Фуко. Его подход не утратил своей актуальности и активно используется в исследованиях, посвященных воздействию киберпространства на эволюции суверенитета государств⁷⁰. В наши дни развитие Интернета актуализирует новый виток этого феномена. В онлайн-среде можно видеть некое перетекание власти к некоторым людям – блогерам, лицам, публикующим секретные материалы, творцам, распространяющим защищенный авторскими правами контент или же собирающих сторонников для выступления против политического режима.

С другой стороны, было бы ошибочно исключать государство из развития Интернета. В аргументации Н. Саркози это имеет следующий вид. Никто, по его мнению, не должен забывать о том, что правительства на легитимной основе представляют волю людей. Забывать это – значит создавать угрозу демократического хаоса и анархии. В целом усилия Н. Саркози более напоминают некое миссионерское рвение. Но в действительности оно должно вызывать не иронию, а понимание. Во Франции Саркози не одинок в своих стремлениях. Французские консерваторы также выступают за четкий контроль за Интернетом. Без этого последний, по их мнению, превратится в «рассадник воров, психопатов и расистов». Регулирование Интернета – это главным образом моральный императив, ибо Интернет – это отнюдь не параллельный мир, который не требует правовых и моральных норм: здесь необходим хотя бы минимальный набор правил.

На наш взгляд, развитие Интернета подтверждает необходимость приложения к нему важнейшей функции государства – функции согласования интересов. К

⁶⁹ Google's Eric Schmidt clashes with Nicolas Sarkozy at eG8 // <http://www.telegraph.co.uk/finance/newsbysector/mediatechnologyandtelecoms/8534049> (дата обращения: 11.03.2012).

⁷⁰ Boyle J. Foucault in Cyberspace Surveillance, Sovereignty, and Hard-Wired Censors // University of Cincinnati Law Review. 1997. Vol. 66. Issue 1. P. 177 – 206.

сожалению, эту функцию не достаточно понимают и не принимают представители интернет-индустрии, для которых непонятно стремления государства проявить свои регуляторские замашки, например, в виде интеграции в попытки регулировать Интернет усилия по защите интеллектуальной собственности.

Вполне объяснимый гнев вызывает попытка действия государства вполне привычными, неадаптированными способами. Достаточно указать на возникшую ситуацию, связанную с законопроектами SOPA, PIPA, ACTA. Поэтому государство, которое не изменилось и неадаптировалось к тому миру, в который переселились его граждане, действительно несовместимо с реальностью Интернета и вряд ли способно согласовывать интересы и эффективно защищать права и свободы человека, не говоря уже об интеллектуальной собственности, защита которой составляет содержание специфического права человека. Век Интернета требует модернизации государства, его подходов к самому Интернету и, в том числе, к вопросам природы и способов защиты интеллектуальной собственности в Интернете.

Как представляется, сама природа управления Интернетом должна предполагать, в том числе и импульсы, которые исходят от государства. Вместе с тем, те государства, под юрисдикцией которых находятся крупнейшие компании-производители контента, стремятся по-прежнему рассматривать Интернет как пространство практически полного государственного регулирования (США, Франция). На e-G8 Н. Саркози настаивал, что правительства должны регулировать Интернет с целью защиты интеллектуальной собственности, детей, приватности и безопасности и предотвращать монополизм. С его позицией солидаризировалась К. Лагард (сегодня – директор-распорядитель МВФ). С ее точки зрения, отсутствие регуляции вызовет хаос.

В целом для представителей гражданского общества наибольшую тревогу вызывают призывы к проведению со стороны государств экспансионистской Интернет-политики. Представители гражданского общества в качестве приоритетного усматривают не контроль за потоками информации и соблюдением авторских прав, а защиту свободы информации и выражения в сети. Некоторые представители радикальных кругов достаточно протестно восприняли итоги G8 в отношении Интернета и посчитали, что мировые правительства объединились в целях контроля и установления цензуры в Интернете (*G8 v. Internet*) и настаивающих на том, что Интернет – это место, где происходит встреча людей, обмен мнениями, процессы образования. По их мнению, Интернет – это важнейшее средство для улучшения наших обществ, знания и культуры, а не тоталитарное средство наблюдения и контроля. По оценке Э. Шмидта,

попытки заблокировать доменные имена и цензура в Интернете могут иметь опустошительные последствия для свободы высказываний.

Строгая роль государства в регулировании Интернетом, инспирируемая традиционной индустрией контента, оспаривается интернет-сообществом, желающим жить в свободной среде. Некоторые из приглашенных на e-G8, кто прибыл из США, высказывали сомнения в способе регулирования Интернета, который подразумевал Н. Саркози. Они полагали, что ценность Интернета заключается не только в эффективности, но и в транспарентности. Регулирование Интернета должно быть таковым, чтобы усиливать, а не ослаблять Интернет как открытую среду.

Однако может ли государство поддерживать и поднимать свой авторитет за счет действий, которые могут впоследствии иметь удушающий характер для некоторых, пусть и больших фрагментов, мировой сети? Сеть настолько масштабна, что не имеет четко выделенных государственно-территориальных границ. По всей видимости, государства, ратующие за полный контроль, не понимают природы и назначения сети. Поэтому строители (builders) Интернета – Интернет-компании (Google, Facebook) вступают оппонентами жесткого контроля государств за процессами, происходящими в сети. «Огосударвленная» сеть малоэффективна и вряд ли возможна. Поэтому можно говорить о существовании пока что не разрешенного противоречия между интернет-компаниями и правительствами. О существовании такого противоречия ярко свидетельствует e-G8, ставшего заметным форумом для обсуждения вопросов, связанных с развитием и управлением Интернетом.

В качестве исходного начала следует принять положение о том, что Интернет это пространство свободы, прежде всего, свободы выражения и информации. Однако Интернет полифункционален, он например, является пространством электронной торговли, распространения охраняемых авторским правом творческих работ, наконец, образования и т.д. Следует напомнить, что Интернет – это не только экосистема свободного самовыражения, но и рыночная среда. Поэтому правительства, которые выступают за строгое соблюдение авторского права в Сети одновременно с этим допускают тот факт, что окончательная регламентация интернет-рынка нежелательна. Однако осторожный подход к вопросам регламентации рыночных отношений в Интернете, учитывающий хрупкость его экосистемы, несколько не согласуется с желанием видеть в Сети образцовое пространство безукоризненного уважения и соблюдения авторских прав.

Вместе с тем, основываясь на смысловой интенции Сети, можно сказать, что Интернет – это пространство

свободы выражения, а не усиленной защиты авторских прав. Хотя это не означает, что интернет-коммуникации могут пренебрегать соблюдением авторских прав. Поэтому вполне объяснимо, что государство обеспокоено проблемами регулирования и защиты авторских прав Интернете.

Государства, в которых сложилась развитая система авторского и смежных прав обеспокоены, прежде всего, соблюдением авторских прав, а не свободой выражения. Забота об интеллектуальной собственности находится в одном ряду с заботой о прайвеси, хотя и в меньшей степени, а также о безопасности и общественной морали. В этом – видение государством цивилизованного образа Интернета. Однако нельзя сказать, что государство полностью пренебрегает свободой выражения в Интернете. Так, в своем выступлении Саркози поднял вопрос о важности Интернета для человечества, включая его роль в качестве двигателя динамичного экономического роста и свободы выражения. В этом русле на первый взгляд выстраивается и политика США. С одной стороны, международная киберполитика Белого дома направлена на поддержку свободы слова в интернете повсюду в мире. С другой, предусматривается жесткое соблюдение авторских прав в США и за рубежом.

В результате государство, таким образом, стремится выполнить свои обязательства в сфере обеспечение политических прав граждан (что является чертой американской демократии), а с другой – обязательства по защите экономических и моральных интересов правообладателей. Однако, несмотря на декларируемый баланс приоритетов, Интернет более интересен государству как условие экономического роста, нежели как пространство свободного самовыражения. Экономический аспект преобладает и задает традиционно строгий подход к необходимости соблюдения законодательства об авторских и смежных права в Интернете. Свобода выражения мнения не сулит никаких экономических выгод и поэтому изначально в этой системе координат не может быть приоритетной. На это интернет-компании заявляют, что главное в их деятельности не получение выгод, а обеспечение свободы информационного обмена. В этом отношении они выступают в качестве акторов гражданского общества, которое, как известно, активно выступает за расширение и обеспечение доступа в Интернет для всех, придерживаясь последовательной позиции в неприятии цифровой цензуры и наблюдения, а также отстаивая ограничение ответственности посредников и отставая принципы сетевого нейтралитета.

Исходя из сказанного, государство не может не быть обеспокоено различными эксцессами Интернета, в том числе нарушением авторских прав. Нарушение авторских прав – это один из негативных эксцессов

Интернета. Это говорит о том, что действующее законодательство в нем в полной мере не соблюдается. Государство не может нейтрально взирать на ставшую упорной фактичностью ситуацию с нарушением авторских прав. Однако оно в ряде случаев может и пересудствовать в деле их защиты.

Во Франции, как, например, и в США, в последнее время наблюдался своего рода бум по принятию законов, которые относились к Интернету и затрагивали вопросы защиты авторских прав и обеспечения безопасности, а также для блокирования определенных вебсайтов. В 2010 году во Франции была введена жесткая трехуровневая модель нарушения авторских прав, или трехступенчатое отключение от Интернета, а также создано новое регулирующее агентство по борьбе с пиратством – HADOPI, действующее на основании соответствующего закона, введенного в действие в 2009 году⁷¹. В соответствии с законодательством, каждый, кто скачивает музыку в нарушении авторских прав, получает два предупреждения. Третье нарушение наказывается штрафом или запретом на доступ в Интернет. У данных законоположений существует много критиков, полагающих, что блокировка Интернет-сервисов равносильна цифровому смертоносному наказанию. В феврале 2011 года во Франции был принят пакет законов, предусматривающих блокирование определенных вебсайтов, содержащих информацию, вредную для общественной нравственности. После признания некоторых законодательных положений неконституционными они были усовершенствованы. Французское законодательство в сфере доступа к информации в Интернете вызывает достаточно серьезную критику. Однако правительств в лице министра культуры Ф. Миттерана занимает аполетическую позицию, подчеркивая воспитательное значение данных законов.

6. К вопросу о реформировании системы авторских прав применительно к Интернету. Итак, Интернет – важный двигатель экономики, не говоря уже о других сферах общества. Поэтому он не может оставаться вне внимания государства. Интернет как новое цифровое онлайн-пространство втягивает в себя экономику, а также другие сферы общества и придает им новое содержание.

В XX веке традиционно сложилось так, что современная модель экономики исходит из строгого соблюдения авторских и патентных прав. Это находит свое подтверждение, как уже упоминалось выше, в

⁷¹ HADOPI Law or Creation and Internet Law (Haute Autorité pour la Diffusion des Œuvres et la Protection des Droits sur Internet // http://www.laquarature.net/wiki/HADOPI_full_translation (дата обращения: 30.04.2012).

документах Совета Европы. Следует согласиться с тем, что вне правовой защиты авторских прав возможен спад художественного творчества вплоть до его исчезновения. Подобную позицию высказал на e-G8 министр культуры Франции. Как представляется, альтернативный подход был бы губителен для экономики и ее роста.

Несмотря на настороженное отношение к авторскому праву, как и к праву интеллектуальной собственности в целом, что вызвано стремлением некоторых государств к ужесточению режима соблюдения авторских и смежных прав, вряд ли разумно отказываться от них в целом. Данный правовой институт имеет не только экономическое, правовое, но и моральное оправдание. Право на защиту моральных и материальных интересов создателей произведений является международно признанным и предусматривает целую систему обязательств государств, к чему некоторые из них относятся чрезвычайно серьезно, подчас с некоторым ущербом для других международно признанных прав, что противоречит принципу нераздельности прав и свобод. Достаточно привести один пример. По инициативе Президента Франции весной 2011 года была свернута подготовка к международной конференции по вопросам свободы выражения в онлайн-среде.

Одновременно, верно и другое – интеллектуальная собственность при ее строгом соблюдении создает затруднения для реализации сетевых свобод и цифровых/онлайн-прав. Вместе с тем, если защита будет снижена до некоего критического уровня, то может возникнуть проблема с наполнением контентом. Поэтому перед современным законодателем стоит задача учета особенностей Сети с тем, чтобы выработать нормы и принципы, приемлемые для ее развития. Одновременно с этим данная проблематика носит не узко национальный, а глобальный характер. Законодатель, равно как и доктрина, находится перед сложным выбором. С одной стороны, более высокий уровень защиты отвечал бы интересам правообладателей. С другой – понижение уровня защиты обеспечило бы более широкий доступ к информации.

В странах с развитой системой авторского права, смежных прав и патентных прав охрана и защита результатов интеллектуальной деятельности автоматически распространяется на Интернет и цифровую среду в целом. Цифровая среда становится пространством реализации экономических интересов правообладателей и источником получения выгоды для производителей контента. Тем не менее, жесткое соблюдение традиционных прав применительно к данной среде ограничивает право на получение информации и самовыражения.

Практически общепризнанно, что существующая модель авторского права, если и не препятствует инфор-

мационному обмену, то по крайней степени в известном смысле затрудняет его, сдерживая реализацию права на доступ к информации, т.е. ее получение. Затруднения наблюдаются и в сфере заинтересованности авторов в распространении и доведении той информации, которая заключена в их произведениях. На наш взгляд, данные модели должны предполагать и новую модель координации авторского права и права выражения. Поскольку некоторые кажущиеся сегодня слишком обременительными ограничения, идущие от авторского права, вступают в конфликт с принципом открытости и свободы Интернета.

Как известно, современные государства имеют обязательство обеспечивать доступ к Интернету как наиболее инновационному сегменту цифровой среды. Однако Интернет – это не только техническая система, но экосистема, в которой происходит интенсивный обмен информацией. Иметь технически доступ к Интернету не означает иметь полную возможность приобщиться к данной информации, которая в принципе во всем объеме может быть предоставлена для открытого доступа. В результате жесткое соблюдение авторских прав в чем-то ограничивает принцип открытости Интернета. В долгосрочной перспективе это способно привести к экономически издержкам.

Вопрос о соблюдении прав интеллектуальной собственности, в особенности авторских и смежных прав в Интернете, как наиболее значимой сферы информационного общества, сегодня выходит далеко за пределы защиты экономических интересов правообладателей. Для дальнейшего развития информационного общества и присущей ему экономики, которая уже сегодня «вросла» в Интернет, необходима новая экономическая модель, коррелирующая новым моделям авторского права. Необходима и новая концепция права интеллектуальной собственности, релевантная цифровой среде. Реагируя на эти запросы, доктрина создает модель цифрового права интеллектуальной собственности⁷², в том числе предлагая релевантную модель осуществления авторских прав в Интернете⁷³, не говоря уже о новой модели авторства в цифровой среде⁷⁴.

⁷² Efroni, Z. *Access-Right: The Future of Digital Copyright Law*. Oxford: Oxford University Press, 2011; Stokes S. *Digital Copyright Law and Practice*. 3rd ed. New York, Oxford: Hart Publishing; The Future of Copyright in a Digital Environment. Ed. by P. Hugenholtz. The Netherlands: Kluwer Law International, 1996.

⁷³ Stamatoudi I. *Copyright Enforcement and the Internet*. The Netherlands: Kluwer Law International, 2010 Lemley M. *Dealing With Overlapping Copyrights on the Internet // University Dayton Law Review*. Vol. 22. 1996 – 1997. P. 548 – 584.

⁷⁴ Durham A. *Copyright and Information Theory: Toward an*

Цифровая среда Интернета – это новая реальность, которую нельзя назвать полностью релевантной к сложившейся системе охраны и защиты авторских прав. Однако эта система не может и не должна быть неизменной, так как она возникла в другую технологическую эпоху. Следует также указать, что данные вопросы тесно связаны с проблемой обеспечения универсального доступа к Интернету.

Интернет не имеет территориального характера в привычном смысле слова. Это затрудняет признание и защиту прав интеллектуальной собственности в сети. В этом смысле он угрожает праву интеллектуальной собственности. В качестве одного из возможных решений предлагается унификация режима охраны и защиты интеллектуальной собственности в Интернете. Одновременно это приводит к целому ряду вопросов, достаточно сложных для решения. Так, одним из вопросов является вопрос юрисдикции. Как отмечает М. Mueller, суды и правоохранительные органы базируются на государственном суверенитете, однако активность в интернет-пространстве пересекает государственные границы и выходит за них. Поэтому единственным выходом является действие органов государства в рамках международного режима. В его рамках должен быть решен вопрос о том, какие органы компетентны отслеживать и привлекать к ответственности нарушителей. В итоге Интернет представляется как новая арена коллективных действий, а в выработке международного режима должны участвовать все акторы сети⁷⁵. Но для того, чтобы выработать согласованный подход необходимо согласование нового видения суверенитета государств в направлении отхода от жесткой модели государственно-центричного права интеллектуальной собственности⁷⁶.

Как известно, в информационном обществе большое значение имеют СМИ, которые также непосредственное соприкасаются с действующей моделью авторского права. В настоящее время по мере развития информационно-коммуникационной среды налицо определенная кризис традиционных СМИ; возникает значительный сектор электронных средств массовой информации, наиболее приближенных к пользователям Интернета. В итоге, актуализируется вопрос о новых бизнес-моделях, что также затрагивает традиционно сложившуюся систему авторского права. СМИ вполне можно отнести к произ-

водителям контента, которые предельно заинтересованы в его доведении до самой широкой аудитории.

Одной из форм реагирования СМИ-сообщества на проблемы, связанные с управлением Интернетом и вопросами соблюдения прав интеллектуальной собственности, стало проведение в марте 2011 года в Берлине саммита, посвященной развитию цифровых инноваций. Инициаторами встречи стали компании, представляющие индустрию контента. Результатом встречи стало принятие Берлинской декларации о будущем цифровой прессы⁷⁷. Инициаторами встречи стали Европейское объединение издателей журналов (The European Federation of Magazine Publishers), объединяющий более 15 тыс. предприятий малого и среднего бизнеса, выпускающих в совокупности около 15 тыс. периодических печатных и электронных изданий, и его немецкое подразделение – Федеральный союз издателей журналов Германии (Verband Deutscher Zeitschriftenverleger e.V.), объединяющий около 400 издательств, которые публикуют порядка 3 тыс. журналов специализированного и развлекательного профиля). На встрече было высказано опасение в отношении изменений законодательной базы на национальном, европейском и международном уровне, которые могут поставить цифровые СМИ в еще более сложное положение.

Участники встречи выразили идею необходимости обеспечения баланса прав и обязательств игроков на рынках цифрового контента. Большое внимание было уделено цифровым СМИ, которые являются важным элементом экосистемы Интернета. В этом контексте Берлинская декларация акцентирует внимание на следующих проблемных моментах – необходимость оказания правительственной поддержки цифровым издательствам, первостепенный характер разрешения противоречий между интересами собственников контента и производителей сетевого оборудования путем восполнения пробелов в законодательном регулировании, в частности, на уровне системы авторского права.

В целом в Декларации были выделены следующие основные положения: «поддержка соблюдения существующих прав и свобод прессы», «обеспечение свободы проведения маркетинговых экспериментов и внедрения инновационных бизнес-моделей в медиа-пространстве», «последовательная защита авторских прав как залог дальнейшего существования СМИ», «уменьшение ставок НДС как для цифровых, так и печатных изданий», «оказание поддержки развитию честной конкурен-

Alternative Model of «Authorship» // Brigham Young University Law Review. Vol. 69. 2004. P. 101 – 160.

⁷⁵ Mueller M.L. Ruling the Root: Internet Governance and the Taming of Cyberspace. Cambridge, MA: MIT Press, 2002. P. 66.

⁷⁶ Fan M. Governing Copyright in Cyberspace: The Penalty Default Problem With State-Centric Sovereignty // Jurimetrics. Vol. 43. P. 315 – 320.

⁷⁷ Berlin Declaration on the Future of the Digital Press // http://www.gowebdesign.be/berlin/pdf/20110317_BERLIN_Declaration.pdf (дата обращения: 3.03.2012).

ции и обеспечение прозрачности ведения бизнеса в Интернете».

Широко обсуждаемая напряженность, связанная с соблюдением IP, вызвана тем, что неадаптированное к цифровой среде авторское право применяется к совершенно специфической среде, одной из конституирующих начал которой является жажда в получении и распространении информации. Как представляется, все это приводит к неким двусмысленностям в отношении интересов самых авторов. С одной стороны, они стремятся довести до всеобщего сведения свои работы, имея в виду огромные возможности, предоставляемые цифровыми технологиями. С другой – в этом начинании их сдерживают экономические интересы и существующие модели справедливого вознаграждения. В результате возникает некая напряженность на уровне самих авторов в деле реализации их информационных прав. Существующее законодательство в сфере авторских и смежных прав сдерживает право авторов на распространение информации, заключаемых в их произведениях.

К одному из факторов, провоцирующих пиратство, следует отнести достаточно высокие цены на легальную продукцию. Поэтому одним из пунктов реформирования авторского права выступает вопрос о справедливой компенсации, что предполагает пересмотр правообладателями своих материальных притязаний. Речь идет именно о пересмотре форм компенсации, но не об отказе от данного института в целом, являющегося элементом исключительных прав. В одном ряду с этим находятся меры по облегчению лицензирования. Все это вошло в рекомендации, выработанные на e-G8.

Как представляется, к предмету заинтересованности современных государств должна относиться модернизация системы авторского права, одной из необходимых предпосылок которой является согласование авторского права с «цифровыми правами», т.е. правами, для которых цифровая среда стала родной средой осуществления. Речь, прежде всего, идет о праве на выражение и информацию. При этом можно сказать о том, что сами авторские права стали составной частью цифровых прав. Цивилизованный Интернет предполагает не только защищенность прайвеси, информационных прав, но и защищенность их баланса. А это означает, что государство должно быть обеспокоено не только защитой интеллектуальной собственности, но и защитой свободы выражения и информации. Однако пока государства не демонстрируют такой готовности. Отсюда продолжение конфликта авторских прав и Интернета как пространства свободной циркуляции информации.

Авторское право, сложившееся в нецифровой среде, должно адаптироваться к цифровой среде, а не адаптировать цифровую среду к себе. Пока же некоторые

государств являются инструментами господства традиционной, т.е. необновленной идеи интеллектуальной собственности, реализация которой через систему права интеллектуальной собственности приводит к большому напряжению. Поэтому достаточно актуальным оказывается вопрос о модернизации этой идеи, в том числе в направлении баланса авторских и информационных прав. Идея подобного баланса, в свою очередь, может стать мотором для модернизации авторского права применительно к системе цифровой реальности. В противном случае Интернет, в котором авторские права принудительно соблюдаются в их первоизданном виде, может рассматриваться как территория для покорения, а авторские права – как способ овладения непокорной территорией. Но авторские права должны быть не инструментом захвата, а инструментом развития.

На наш взгляд, вряд ли неизменное авторское право может быть инструментом развития. Немодернизированное авторское право как инструмент управления Интернетом превращается в некий абсурд. Поэтому в перспективном плане вопросы интеллектуальной собственности в Интернете связаны с идеальной моделью открытого и свободного Интернета.

Интернет – одновременно и информационно-коммуникационная среда инноваций и одна из фундаментальных инноваций, изменивших лицо цивилизации. Вопрос о развитии авторских прав применительно к онлайн-среде предполагает решение вопроса об инновационной природе Интернета. Последний обладает генеративной природой, которая хорошо описывается в терминах инновационности и инноваций. Хорошо известно, что в настоящее время большинства инноваций являются e-based, что предполагает пристальное внимание к осуществлению информационных прав. Таким образом проблема соотношения Интернета и авторского права выходит за узкие пределы и обнаруживает вопрос о том, способствует/стимулирует или нет авторское право инновационный процесс в Интернете, а также инновационный процесс в целом или же оно является его препятствием?

Если начинать с самих основ, то в основании этого вопроса находится такой фундаментальный вопрос, как соотношение интеллектуальной собственности и инноваций, достаточно активно дебатруемый в доктрине⁷⁸. Вопрос об авторском праве в Интернете затрагивает, в сущности, вопрос о перспективах инновационного процесса. Не меньшее значение для поддержания инновационности имеет и архитектура Интернета в целом, в

⁷⁸ Goldsmith J., Wu T. Who Controls the Internet? Illusions of a Borderless World. Oxford, N.Y.: Oxford University Press, 2006. P. 110 – 114, 121 – 122.

рамках которой режим интеллектуальной собственности является одним из его элементов. Как отмечает В. Schewick, Интернет не только обладает способностью увеличивать личную свободу и способностью являться платформой для расширения демократического участия, но и быть основой для инноваций в самом Интернете (и за его пределами – М.Ш.)⁷⁹. Отсюда следует вывод о том, что сама архитектура затрагивает инновации и воздействует на инновационный процесс.

Позиция интернет-компаний как инноваторов в отношении авторского права является достаточно понятной в своих основаниях. Поэтому нельзя не согласиться с идеей, которую выдвинул А. Howard. На основании глубокого анализа дискуссий, развернувшихся на e-G8, он сделал вывод о том, что данный форум показал, что инновации и свобода выражения все еще нуждается в последовательных защитниках⁸⁰.

С точки зрения Г. Шапиро (CEO of Consumer Electronics Association), подход Н. Саркози является подходом, удушающим инновации, и не может быть воспринят в США⁸¹. Г. Шапиро исходит из того, что в США базируется большое количество интернет-компаний при одновременном признании США в качестве лидера инноваций в сфере Интернета. Поэтому слишком усердные действия по защите прав интеллектуальной собственности и предотвращения монополии, на чем настаивал Н. Саркози, вырисовывается как достаточно неблагоприятная альтернатива для рыночной изобретательности, «пропеллером» которой являются США.

Для Франции регулирование Интернета выступает как уравнивание рыночных сил в целях удовлетворения национальных целей. Здесь в настоящее время усиливается конкуренция в предоставлении широкополосного доступа к Интернету, однако она изолирует себя, создавая препятствия для роста ограничением доступа к французским фильмам и музыке, защищая своими уникально странными законами моральные права создателей контента и своим «трижды ударяющим законом» лишаящего покупателей доступа к контенту.

По мнению Шапиро, применительно к США эти требования будут подкрепляться лоббированием со стороны производителей контента, которые усиленно стремятся к контролю. Но президент Обама должен

сопротивляться попыткам или фильтрации контента для того, чтобы удовлетворить ограниченную старую индустрию и старые устремления правительства. Из регулирования проистекает контроль за Интернетом. По мнению Шапиро, стремление к контролю и регулированию могут принести ущерб той выгоде, которую получают США от интернет-инноваций. Инновации в Интернете позволяют решать множество проблем и они имеют преимущество перед достаточно узкими призывами регулировать Интернет.

Развитие Интернета является инновационным процессом, поэтому к правовому регулированию Интернета должны предъявляться требования, рассчитанные на стимулирование инновационного процесса. Чрезмерная строгость в вопросе соблюдения авторских прав на традиционной платформе применительно к Интернету также не содействует развитию инноваций в глобальной Сети.

Важное значение имеет сбалансированное правовое регулирование деятельности и ответственности посредников за нелегальный характер передаваемого контента. Речь идет о практике ограниченной ответственности посредника. Подобный режим правового регулирования установился в Европе и США. В тоже время со стороны правообладателей раздаются призывы к посредникам (интернет компаниям) вплотную взять на себя миссию по отслеживанию нелегального контента и удалению в целях прекращения доступа к нему. Подобная перспектива представляется интернет-компаниями малопривлекательной, что одновременно побуждает их осуществлять обоснование иных альтернативных подходов.

Для инноваторов, которыми выступают интернет-компания, основным является не задача соблюдения авторских прав, а обеспечение новых возможностей циркулирования и обмена информацией. В этой связи им оппонирует позиция производителей контента, для которых соблюдение авторских прав является первостепенным. Данное противоречие наиболее в очевидной форме было проявлено на e-G8, где дал о себе воочию знать конфликт между инновационными интернет-компаниями, которые могут быть отнесены к индустрии XXI века, и традиционными компаниями-производителями контента, которые продолжают исторически существовать в XX веке. В этой ситуации государство не должно прямолинейно лоббировать интересы одних в ущерб интересам вторых. Пока что государство, как это следует из позиции Н. Саркози, заявляет о защите интересов именно правообладателей, что приводит к диссонансу и асимметрии в защите информационных и авторских прав. Односторонность становится сдерживающим моментом и не прибавляет легитимности существующим государственным институтам. В этих

⁷⁹ Schewick В. van Internet Architecture and Innovation. Cambridge, MA: MIT Press, 2010. P. 10.

⁸⁰ Howard A. At the e-G8, 20th century ideas clashed with the 21st century economy // <http://radar.oreilly.com/2011/05/eg8-2011-internet-freedom-ip-copyright.html> (дата обращения: 15.01.2012).

⁸¹ Shapiro G. Obama Should Resist Sarkozy's Quest to Regulate the Internet // <http://www.forbes.com/sites/garyshapiro/2011/05/25/obama-should-resist-sarkozys-quest-to-regulate-the-Internet> (дата обращения: 14.01.2012).

условиях приоритетным направлением деятельности государства становится согласование данных интересов, в том числе в рамках правового регулирования. Мы полагаем, что интересы так называемых пиратских партий при этом должны в расчет не браться, так их цели имеют неправомерный характер.

Баланс между интересами правообладателей и интересами пользователей требует реформирования авторского права с учетом новых технологий. В обобщенном виде можно выделить три позиции: консервативную, радикальную и реформаторскую. Первая позиция настаивает на строгом соблюдении авторских прав в Интернете. Радикальная позиция представлена сторонниками т.н. пиратских партий. Третья точка зрения предлагает новые модели реализации экономических интересов правообладателей в цифровой среде. Различные государства придерживаются различных позиций. Это ярко показала дискуссия, предпринятая на e-G8, а также ее продолжение.

Если говорить о традиционном подходе строгого соблюдения интеллектуальной собственности в Интернете, то он заметен на примере Франции. Как отметил в своем выступлении на e-G8 министр культуры Франции Фредерик Миттеран, «защищая авторские права, мы защищаем творчество и позволяем творчеству самовыражаться и расцветать в самых разных формах. Если мы не защищаем авторское право, мы наблюдаем измельчание творчества, ориентацию на популярное творчество, многообразие исчезает, и в итоге мы становимся свидетелями гибели творчества». Однако информационное демократическое общество требует новых – неконсервативных – подходов. Исключительный приоритет авторского права в Интернете не соответствует его информационной природе. Требуется обновление институтов авторского права применительно к Интернету. Весь вопрос том, чтобы это обновление не стало разрушением авторского права в целом. Инновационный подход представляет собой принцип баланса авторских и информационных прав, принадлежащих пользователям и общественности. Если вновь вернуться к французскому законодательству, запрещающему нелегальное скачивание контента, включая музыку и фильмы, то за основу здесь взят принцип вознаграждения правообладателей. Эта позиция отражает верный подход, фиксирующий защиту авторского права как стимула творческой активности, но вне баланса с интересами пользователей он подрывает предназначение Интернета.

Развитие авторского права в Интернете предполагает постоянное удержание в фокусе внимания идеи Интернета и его предназначения. Представители гражданского общества полагают, что Интернет не создан для того, чтобы стать новым пространством для реализации

моральных и экономических интересов правообладателей. Интернет – это более чем вспомогательное средство для граждан, как то полагается в Довильской декларации. По мнению экспертов и с этим, безусловно, следует согласиться, Интернет – это центральная платформа для свободы выражения и мнения в современном информационно обществе. На наш взгляд, свобода выражения и свобода мнения, права на информацию являются конкретизацией общих принципов – свободы, транспарентности и открытости, вместе с недискриминацией и честной конкуренцией, заявленных в п. 9 Довильской декларации, и, конечно же, в первую очередь конкретизацией принципа свободы. И те и другие должны порождать соответствующие и, причем, ярко выраженные обязательства государств.

В основе реформирования авторского права применительно к сети Интернет должна стать выработка новых моделей справедливого вознаграждения и пересмотр самих представлений о справедливости. В сущности, реформирование системы авторских прав затрагивает вопросы формирования новых моделей лицензирования и материального вознаграждения. В мае 2011 года в Бостоне состоялась конференция, уделившая пристальное внимание альтернативным схемам компенсации правообладателям в цифровой экономике, которая должна далее обсуждаться теми, кто ответственен за выработку глобальной политики. На этой конференции также была представлена International Music Registry – глобальная база данных правообладателей, которая будет значительно облегчать процесс лицензирования во всем мире.

Идея альтернативных моделей лицензирования и вознаграждения правообладателей была рассмотрена на саммите по авторскому праву, прошедшему в Бельгии в июне 2011 года (World Copyright Summit: New Frontiers for Creators in the Marketplace). На форуме обсуждалось большое количество тем, которые были распределены на три блока. Во-первых, блок «творчество» (create), в рамках которого ставились вопросы глобальной экосистемы для творцов (creators) и творческой индустрии (creative industries). Во-вторых, блок «связь» (connect), предполагающий рассмотрение развития цифровой экономики и новых бизнес-моделей. И наконец, в-третьих, блок «уважение» (respect), затрагивающий вопросы авторских прав в законодательном и социальном аспекте⁸².

В настоящее время появляется потребность в новых подходах к поиску правового компромисса между пользователями и авторами. В этой связи следует упомянуть

⁸² World Copyright Summit, 7 – 8 June 2011. Square Brussels Meeting Center, Belgium // <http://www.copyrightsummit.com> (дата обращения: 15.04.2012 г.).

о российских инициативах в этом вопросе, которые имеют самое непосредственное отношение к работе G8 и e-G8 в указанном направлении. Примечательно, что Россия стремится завить о своем лидерстве в вопросах развития авторского права в экосистеме Сети. Наиболее интенсивное обсуждение проблем соблюдения авторского права в Интернете общественностью, правообладателями и интернет-компаниями в России датируется летом 2010 года. По оценке российского Президента, Довильская декларация абсолютно консервативна, а Интернет требует более современной конструкции, к которой мы бы отнесли баланс интересов основных игроков, баланс интересов правообладателей и пользователей, сочетание управления и саморегулирования.

Подводя итоги, необходимо отметить, что, в сущности, работа G8 и e-G8 в очередной раз актуализировала проблему необходимости разработки и легитимации

новых стратегий и практик власти и бизнеса применительно к интернет-среде и соответствующей разработки новых моделей системы прав интеллектуальной собственности. Они должны соответствовать современным технологическим изменениям, трансформировавшим общественные отношения, и должны быть направлены на решение проблемы справедливого вознаграждения создателей интеллектуального продукта, а также проблемы справедливого распределения добавленной стоимости среди структурных игроков цифровой экосистемы Интернета. Это должно стать результатом согласования позиции ведущих игроков на международном уровне. Посредством усилий государств и международных организаций в формате диалога между различными форумами представляется возможной выработка соответствующих международно-правовых стандартов в рамках международно-правового регулирования управления использованием Интернета.

Библиография

1. Benkler Y. *The Wealth of Network: How Social Production Transforms Market and Freedom*. New Haven, London: Yale University Press, 2007. – 528 p.
2. Boyle J. Foucault in Cyberspace Surveillance, Sovereignty, and Hard-Wired Censors // *University of Cincinnati Law Review*. 1997. Vol. 66. Issue 1. P. 177 – 206.
3. Fan M. Governing Copyright in Cyberspace: The Penalty Default Problem With State-Centric Sovereignty // *Jurimetrics*. Vol. 43. P. 315 – 342.
4. Franzese L.C. Sovereignty in Cyberspace: Can It Exist? // *The Air Force Law Review*. 2009. Vol. 64. P. 1 – 41.
5. Goldsmith J., Wu T. *Who Controls the Internet? Illusions of a Borderless World*. Oxford, N.Y.: Oxford University Press, 2006. – 238 p.
6. Lessig L., Slaughter A.-M., Zittrain J. *Cyberspace Regulation and the Discourse of State Sovereignty* // *Harvard Law Review*. Vol. 112. No 7. May 1999. P. 1681 – 1720.
7. Lessig L. *Code: And Other Laws of Cyberspace*. Version 2.0. N.Y.: Basic Book, 2006. – 432 p.
8. Mackinnon R. *Consent of the Networked: The Worldwide Struggle For Internet Freedom*. New York: Basic Books, 2012. – 320 p.
9. Morozov E. *The Net Delusion: The Dark Side of Internet Freedom*. N.Y.: Public Affairs, 2011. – 432 p.
10. Mueller M.L. *Network and States: The Global Politics of Internet Governance*. Cambridge, MA: The MIT Press, 2010. – 320 p.
11. Mueller M.L. *Ruling the Root: Internet Governance and the Taming of Cyberspace*. Cambridge, MA: MIT Press, 2002. – 327 p.
12. Schewick van B. *Internet Architecture and Innovation*. Cambridge, MA: MIT Press, 2010. – 592 p.
13. Trachtman J.P. *Cyberspace, Sovereignty, Jurisdiction, and Modernism* // *Indiana Journal of Global Legal Studies*. 1998. Vol. 5. Issue 2. P. 561 – 581.
14. Zittrain J. *The Future of the Internet and How to Stop It*. New Haven, London: Yale University Press, 2009. – 342 p.

References (transliteration)

1. Benkler Y. *The Wealth of Network: How Social Production Transforms Market and Freedom*. New Haven, London: Yale University Press, 2007. – 528 r.
2. Boyle J. Foucault in Cyberspace Surveillance, Sovereignty, and Hard-Wired Censors // *University of Cincinnati Law Review*. 1997. Vol. 66. Issue 1. P. 177 – 206.

3. Fan M. Governing Copyright in Cyberspace: The Penalty Default Problem With State-Centric Sovereignty // *Jurimetrics*. Vol. 43. P. 315 – 342.
4. Franzese L.C. Sovereignty in Cyberspace: Can It Exist? // *The Air Force Law Review*. 2009. Vol. 64. P. 1 – 41.
5. Goldsmith J., Wu T. *Who Controls the Internet? Illusions of a Borderless World*. Oxford, N.Y.: Oxford University Press, 2006. – 238 r.
6. Lessig L., Slaughter A.-M., Zittrain J. Cyberspace Regulation and the Dis-course of State Sovereignty // *Harvard Law Review*. Vol. 112. No 7. May 1999. P. 1681 – 1720.
7. Lessig L. *Code: And Other Laws of Cyberspace. Version 2.0*. N.Y.: Basic Book, 2006. – 432 r.
8. Mackinnon R. *Consent of the Networked: The Worldwide Struggle For Internet Freedom*. New York: Basic Books, 2012. – 320 r.
9. Morozov E. *The Net Delusion: The Dark Side of Internet Freedom*. N.Y.: Public Affairs, 2011. – 432 r.
10. Mueller M.L. *Network and States: The Global Politics of Internet Governance*. Cambridge, MA: The MIT Press, 2010. – 320 r.
11. Mueller M.L. *Ruling the Root: Internet Governance and the Taming of Cyberspace*. Cambridge, MA: MIT Press, 2002. – 327 r.
12. Schewick van B. *Internet Architecture and Innovation*. Cambridge, MA: MIT Press, 2010. – 592 p.
13. Trachtman J.P. Cyberspace, Sovereignty, Jurisdiction, and Modernism // *Indiana Journal of Global Legal Studies*. 1998. Vol. 5. Issue 2. P. 561 – 581.
14. Zittrain J. *The Future of the Internet and How to Stop It*. New Haven, London: Yale University Press, 2009. – 342 p.